

ТЕНЬ ПОЛОНИЯ

НИКИТА
ФИЛАТОВ

Миссия выполнима

Никита Филатов

Тень полония

«ВЕЧЕ»

2020

Филатов Н. А.

Тень полония / Н. А. Филатов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4484-8487-2

Остросюжетный политический триллер. В Лондоне убит бывший сотрудник ФСБ. Под подозрением оказываются политики, торговцы оружием, религиозные фанатики, спецслужбы, террористы и даже известный олигарх. В смерти беглого русского контрразведчика были заинтересованы слишком многие, особенно после того, как он обосновался в Лондоне и затеял собственную рискованную игру, не предполагая насколько страшным будет ее завершение. Как и многие до него, он оказался лишь разменной фигурой в той бесконечной партии, которая всегда разыгрывалась в глубокой тайне по всему миру...

ISBN 978-5-4484-8487-2

© Филатов Н. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Никита Филатов	5
Пролог	6
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	29
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Никита Филатов

Тень Полония: политический триллер

Полоний:

*...Ну, поняли? Насаживайте ложь
И на живца ловите карпа правды.
Так все мы, люди дальнего ума,
Издалека, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой.*

*Уильям Шекспир.
Гамлет, принц Датский*

© Филатов Н.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

*Но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их
были злы.
Ин. 3, 19*

Кавказ – это горы и пыль. Много пыли...

Жирная, раскаленная, пропитавшаяся кровью и машинным маслом – она повсюду.

И даже ночью, когда на перевалы обрушивается ледяной, звенящий в немыслимой темноте ветер, пыли не становится меньше. Просто ведет она себя еще злее и беспощаднее.

Майор Владимир Виноградов поежился от холода и приоткрыл один глаз: грязный мох, какие-то колючие кусты, сведенные судорогой стволы редких деревьев...

Внизу по-прежнему желтела узкая грунтовая дорога без обочины. Почти вертикальные бурые каменные откосы стискивали дорогу с обеих сторон – и нехотя расползались где-то наверху, почти за облаками. Впереди, в сотне метров, дорога сворачивала за скалу, затем делала еще один поворот, потом еще... нет, что ни говори – место для засады было выбрано очень удачно.

Другое дело, что задачу свою ребята отработали не совсем так, как хотелось.

Хотя, конечно, армейский бронетранспортер, двигавшийся впереди, они вывели из строя сразу же – церемониться с боевым охранением команды не поступало, поэтому под его колесами просто рванули управляемый по радио фугас.

Черный джип-внедорожник, замыкавший колонну, тоже не создал особых проблем: машину расстреляли почти в упор из автоматов и из подствольного гранатомета.

А вот с грузовиком возникли сложности.

Какой-то бородач, успевший вывалиться из кабины при первых же выстрелах, моментально оказался в мертвой зоне – и сразу же открыл ответный огонь. Судя по всему, вояка этот был опытный и повидавший виды: первую очередь выпустил в небо, почти наугад, – но уже следующей очередью, прицельной и короткой, основательно зацепил одного из бойцов.

Пришлось пускать в ход ручные гранаты.

Впрочем, больше всего неприятностей доставил спецназу, как оказалось, не он, а совсем другой боевик – тот, что спрятался в кузове грузовика. Пули непозволительно долго рвали со всех сторон грязный брезент, осыпали вниз стекла кабины, отскакивали от металла... а он все стрелял и стрелял, пока не уткнулся окровавленным лбом в приклад ручного пулемета.

Некоторое время было тихо.

Потом зашуршали камешки под множеством ног, и к разбитой колонне спустились люди...

Очень жаль, но единственный взятый живым человек из колонны – и тот оказался почти непригоден к дальнейшему использованию.

– Ну? Кто такой? Имя? Родом откуда? – Капитан Литовченко считал себя большим специалистом по допросам в полевых условиях – вот ему и предоставили возможность первым пообщаться с пленным:

– Ну? Отвечай!

Подождевший сзади майор Виноградов демонстративно передернул затвор:

– Дай-ка, я ему сейчас...

– Подожди... Ну? Отвечай, быстро! Ну?

Пленный громко сглотнул слюну.

Потом, с трудом шевеля губами, негромко ответил что-то на местном наречии – разобрать удалось только, что речь идет об Аллахе.

– Чего? Хорош мне тут придуливаться... по-русски отвечай!

Пахло от боевика костром и оружейным маслом, а на вид ему было никак не меньше сорока лет: высокий лоб, измазанная кровью борода, каким-то чудом уцелевшие очки на переносице...

Именно по очкам и пришелся первый удар.

– Отвечай, сука! – Литовченко был абсолютно уверен, что основной эффект в подобных случаях достигается не столько болью, сколько унижением допрашиваемого.

– Я ничего не знаю... я – школьный учитель...

– Да ты что? – удивился капитан. – А здесь тогда что делал – на броне да с автоматом? Контрольные работы проверял?

– Я ничего не знаю...

– Слушай, ты! – Литовченко сел на корточки рядом с пленным. – Умереть-то ведь можно по-разному. Можно быстро... а можно так! – Второй удар был куда страшнее предыдущего. – Понял?

– Я ничего не знаю...

– Ну, тогда пеняй на себя! – Сокрушенно покачивая головой, капитан Литовченко вытащил из подсумка нечто, отдаленно напоминающее маникюрный набор. – Смотри... я ведь не хотел, ты сам напросился.

Дальше майор Виноградов смотреть не остался – ушел под каким-то предлогом обратно, к дороге. Однако позже стало известно, что пленный сумел продержаться на удивление долго – даже дольше, чем можно было ожидать от человека с высшим образованием. В конце концов он конечно же начал отвечать на вопросы, но потом как-то незаметно взял и умер на середине фразы...

– Да он все равно не знал ни черта! – Оправдывался потом Литовченко.

Положим, раненый боевик действительно рассказал все, что знал.

Или почти все – поди теперь проверь...

Виноградов взглянул на часы. Все, время! Отдых кончился.

Очень хотелось спать. А еще хотелось домой, но это было совсем уж нереально: как, например, дожить до ста лет или выиграть в телевизионную лотерею.

Ладно... Кому-то в этой жизни достаются представительские лимузины за полмиллиона долларов и пальмы у теплого океана. А кому-то – пахнущий сыростью, смертью и холодом кусок пыльной дороги в горах. Обижайся на судьбу, не обижайся – плевать! Виноградов выругался, поглубже натянул черную вязаную шапочку и пошел сменять на боевом посту капитана Литовченко.

– Стой, стрелять буду!

– Стою.

– Стреляю...

Старая шутка, знакомый голос – вроде и не так уже холодно, и не так тоскливо...

– Курить есть?

– Держи!

Литовченко взял у подошедшего на смену майора сигарету. Пряча в ладони мерцающий на ветру огонек, щелкнул зажигалкой:

– Спасибо, дружище.

– Да не за что. Как обстановка?

– Пока тихо.

– Это хорошо... – Виноградов зачем-то положил ладонь на борт бронемашины, и мертвый металл отозвался на прикосновение накопившимся за ночь холодом. – Груз в порядке?

– Ну, относительно.

Офицеры вышли из-за подорванного на mine бронетранспортера – и почти сразу же их радиометры начали между собой тревожную переключку:

– Осторожнее!

– Понял, слышу...

Поравнявшись с отбитым у неприятеля грузовиком, капитан Литовченко по-хозяйски откинул обрывки брезентового полотнища:

– Вот, понимаешь, такие дела.

Уже светало, поэтому Виноградов без всяких проблем разглядел содержимое кузова.

Серебристый контейнер размером примерно полтора на два метра. Нечто вроде большого бочонка с полозьями, выкрашенными зеленой краской. Вместо крышки – какое-то небольшое устройство, тоже грязно-зеленого цвета, а по бокам – ручки, чтобы удобнее было переносить... Одна из лыж неестественно вывернута, в нескольких местах на металлическом боку контейнера заметны довольно глубокие вмятины. Майор Виноградов скользнул взглядом по буквам и цифрам маркировки: значит, вот он какой – тактический ядерный заряд для обыкновенной армейской гаубицы калибра сто пятьдесят два миллиметра...

– Повреждения сильные?

– Сам же видишь... в пределах разумного, – пожал плечами капитан Литовченко.

– Не взорвется?

– Нет. Не должен. – Литовченко опустил брезентовый полог. – Слушай, а ты уверен, что они в самом деле собрались применить против нас эту дрянь?

– А для чего еще она могла понадобиться? Не атомную же электростанцию строить в горах...

Радиационный фон рядом с грузовиком действительно оказался близок к норме, однако у Виноградова не было ни малейшего желания искушать судьбу. Поэтому офицеры поторопились вернуться обратно, под прикрытие бронированного борта.

– Что там наши? Когда будут?

– Часа через три-четыре.

– Ладно, теперь-то уже чего... дождемся.

– Спокойной смены! Располагайся, я тут тебе огневую позицию оборудовал.

– Спасибо, капитан. – Виноградов присел на промасленный и простреленный, грязный бушлат, оказавшийся, очевидно, бесхозным после вчерашнего боя. Окончательно рассвело, однако холод прошедшей ночи еще не покинул истертые придорожные камни. – Отдыхай.

Здесь, в горах, не существовало линии горизонта, только серая муть облаков – иногда подползающая вплотную к дороге, иногда с неохотой крадущаяся от перевала куда-то вверх, по заляпанным редкой растительностью отвесным склонам. Впрочем, сами заснеженные вершины с дороги никому и никогда разглядеть не удавалось...

Время шло – и вместе с ним из-под колес бронетранспортера выползала короткая, бледная тень.

– Доброе утро!

– Привет.

Мимо Виноградова, почти в полный рост, прошли трое бойцов, сменившихся с поста. Потянуло откуда-то сигаретным дымком...

Майор тоже решил закурить, потянулся за пачкой – и в этот момент прямо сверху, со склона, ударил крупнокалиберный пулемет.

– Мамачка родная... – Судя по тому, как и, главное, откуда, велся огонь, можно было сделать два вывода.

Первый: ребят, оставленных на внешнем охранении, уже нет в живых.

Второй: действовали очень крепкие профессионалы. Потому что с бойцами из роты спецназа майор Виноградов работал не первый день и не раз убеждался: кому ни попадя убить себя втихаря они не позволят.

Передернув затвор, Виноградов принялся ощупывать взглядом нависающие с обеих сторон горы: очень медленно и очень осторожно, вслед за пламегасителем автомата. Жаль, что нет под рукою прибора ночного видения: в инфракрасных лучах все живое и теплое обнаружило бы себя моментально. А так...

По камням расплескалась еще одна очередь – скорее предупредительная, чем на поражение.

Снизу скупно и коротко отвечали.

– Свой, не стреляй!

– Давай сюда, быстро... – Узнав голос Литовченко, майор убрал палец со спускового крючка. – Привет, давно не виделись!

Вид у капитана, вернувшегося к бронетранспортеру, был скорее злой, чем испуганный:

– Вот дают, а? Кто же это еще, на нашу голову?

Перестрелка тем временем принимала все более оживленный характер.

– Эй, там, слушайте!

На дороге, за поворотом, шумно испортил воздух гранатомет. Значит, и там не все слава богу...

– Эй, послушайте! Вы окружены...

Стрельба как-то сама собой стихла, и, несмотря на рассыпчатое горное эхо, стало возможным разобрать отдельные слова и даже фразы:

– ...вам предлагается ровно через шестьдесят секунд, оставив на месте оружие...

Несмотря на сильный кавказский акцент говорившего, суть ультиматума была вполне понятна.

– Ох, сейчас начнется!

– Посмотрим. – Виноградов покосился на циферблат своих часов. – Точно!

Народ наверху слов на ветер предпочитал не бросать – точно и одновременно, секунда в секунду, ожили оба крупнокалиберных пулемета, установленные на склоне. Особого урона это нанести не могло, но на психику действовало. Литовченко перекатился поближе к майору:

– Плотно кладут! Головы не поднять.

– Что, страшно?

– Бывало и хуже...

– Ну, это, положим, вряд ли, – вздохнул Виноградов и обернулся на шум: – Кого там еще несет?

– Товарищ майор! – На гранитное крошево, рядом с ним и с Литовченко, упал штатный радист разведгруппы, улыбчивый парень со шрамом над верхней губой. – Товарищ майор, а у нас командира убили...

Длинная очередь пробежала не более чем в полуметре от их укрытия, не причинив никакого вреда.

– Твою мать! – растерянно выругался Виноградов. – И чего теперь?

– Принимай командование, Володя... – обернулся Литовченко, – ты же у нас теперь вроде как старший по званию?

– Твою мать...

Надо было немедленно что-то решать и приказывать.

– Домой про нападение доложили?

– Так точно, товарищ майор!

– Ну, и что они там? Скоро? Или как?

– Обещали вертушки прислать до подхода колонны. Связь в горах неустойчивая, но...

– Понятное дело. Попробуй-ка соедини меня еще раз.

Относительное затишье опять нарушил голос, многократно усиленный мегафоном:

– Эй, немедленно складывайте оружие... Повторяю – немедленно! В случае отказа...

Умные, сволочи – больше и времени не дают, чтобы принять ультиматум.

Как-то даже невежливо получается...

В следующую секунду, вместо ожидаемого шквала пулеметных очередей, воздух над перевалом заполнился частым, негромким пощелкиванием.

– Ох, черт! – Виноградову будто ошпарило руку ниже локтя – первое же попадание выдрало из его комбинезона кусок ткани, оставив болезненный след на коже.

– Ты чего? – отозвался Литовченко.

– Порядок, ерунда...

– Снайперы! И не высунуться.

– Есть связь, товарищ майор! – доложил радист.

– Давай сюда...

Непонятно, откуда и при помощи каких приборов вели огонь вражеские стрелки, но реакция у них была отменная: пуля попала радисту, чуть приподнявшемуся над камнями, точно в шею – между шлемом и бронежилетом.

– А-ах... ап... – Раненый потянул в себя воздух, судорожно захлопав губами.

– Держись, брат! Спокойно...

– Трамвай...

– Что? – не сразу понял майор.

– Третий год по горам... забыл, как на трамвае... прокатиться...

– Извини, братишка... – Виноградов аккуратно потянул к себе провод наушников. – Ничего не разобрать!

Из динамиков доносился какой-то неровный, прерывистый шум...

Снайперы – чтоб им всем пусто было! – свою задачу выполнили: загнали остатки разведгруппы в норы и щели. Теперь, видимо, следовало дожидаться атаки.

Майор отодвинул от себя труп радиста и приготовился.

Ждать пришлось недолго.

За поворотом дороги кто-то коротко выплюнул очередь, его поддержали – но выстрелы спецназовцев почти сразу же растворились в нахлынувшем сверху потоке огня. Потом неожиданно, пару раз, с гулким, нестрашным хлопком разорвались ручные гранаты.

Очевидно, противник подошел совсем близко.

Царапина у локтя не беспокоила Виноградова, но на всякий случай следовало провести по ней смоченным слюной пальцем.

– Справа!

Не раздумывая и не целясь, майор выпустил длинную очередь – и возникшую в зоне видимости фигуру отшвырнуло назад, за гранитный валун.

Вот и все, кажется... вот и повоевали...

Но тут воздух над перевалом запел, зазвенел, задрожал, сначала тихо, а затем со стремительной неудержимостью наполняясь басовыми нотками... и через мгновение – накатил, навалился сплошной стеной металлического рева и грохота.

– Слава Богу! – перекрестился майор. – Спаси, Господи, люди Твоя...

Две пары скуластых, остромордых вертолетов, выкрашенных под цвет серого горного неба, одновременно зависли над склонами и над дорогой – на некотором расстоянии от разбитой колонны.

– Долина, Долина! Я – борт девятнадцать, слышите меня?

– Слышу вас, девятнадцатый! – схватился за рацию Виноградов. – Здесь мы, прямо под вами...

- Держитесь, земляки! Немного осталось – десант на подлете...
- Спасибо, девятнадцатый!
- Сочтемся, Долина... обозначьте дыми!

Однако спецназовцы, не дожидаясь приказа, уже действовали по обстановке: тут и там перед их позициями стали вспениваться чернильно-черные густые облачка.

- Давай!
- Куда кидать-то? – уточнил капитан Литовченко.
- Туда, правее спуска...
- Будет сделано!

Дымовая пашка описала большую дугу и с веселым хлопком разорвалась невдалеке от камней, за которыми, по расчетам майора, должен был укрываться противник.

- Спасибо, Долина, мы поняли!
- Поживем еще вроде? – обернулся Литовченко, отползая немного назад, под броню.
- Поживем! Если только случайно они нас не накроют...

Закончить фразу Виноградову не удалось: головной вертолет развернулся – и выкинул из-под брюха, по склону, одну за другой, четыре жирные огненные стрелы. После этого окружающее пространство заполнилось без остатка разрывами реактивных снарядов, трассирующими очередями, пронзительным свистом осколков и грохотом осыпающихся на дорогу камней...

Часть первая

*Сэр, мои шпионы и получающие от меня плату
люди находятся повсюду.*

*Признаюсь, здесь самое простое дело нанять человека
для того, чтобы он предал своих друзей.*

Даниэль Дефо

Глава 1

Владимир Александрович Виноградов, в ожидании кофе, осматривал обстановку.

Собственно, ничуть не покривив душой, ее можно было назвать и *убранством*: дубовые резные панели на стенах в сочетании с какими-то светлыми, очевидно не менее дорогими, породами дерева, антикварная мебель, огромный ковер на полу...

И при всем этом – привычные офисные атрибуты, непостижимым образом не нарушающие стиль и гармонию кабинета: персональный компьютер, несколько телефонных аппаратов, селекторная связь.

Ни сурового сталинского аскетизма двадцатых-тридцатых годов, ни казенной торжественности послевоенного времени... Владимир перевел взгляд на книжные полки: золоченые, пыльные корешки Большой советской энциклопедии. Толстые справочники, специальная литература на нескольких языках... Кроме положенного по статусу государственного флага в углу кабинета и обязательного портрета президента над креслом, из украшений имелись: семейное фото хозяина в металлической рамке и небольшой бюст председателя ВЧК товарища Дзержинского на письменном столе.

Собственно, это было едва ли не единственным напоминанием о преемственности поколений...

Из окон открывался чудный вид на распластанную под ногами Москву.

– Все, значит, договорились. Перезванивать не нужно? Добро, тогда до встречи...

Хозяин кабинета был на редкость хорошо воспитан, поэтому, положив трубку, виновато вздохнул:

– Еще раз – простите, Владимир Александрович! Я ведь распорядился – ни с кем не соединять во время нашей встречи, но, сами понимаете...

– Да, конечно, я понимаю, товарищ генерал. Не беспокойтесь.

– Хорошо! Это очень хорошо... тогда продолжим.

На вид сидящему напротив человеку можно было дать лет семьдесят, если не больше – во всяком случае, он уже перешел тот возрастной рубеж, когда седину в аккуратно подстриженных волосах еще можно называть ранней. Невысокого роста, подвижный и худощавый: такие люди, как правило, регулярно, два раза в неделю, посещают бассейн, а по воскресеньям или по субботам встречаются с деловыми партнерами на теннисном корте.

– Разрешите?

– Да, Леночка, конечно!

Наблюдая за тем, как симпатичная секретарша хороших кровей сервирует кофейный столик, хозяин поинтересовался:

– Владимир Александрович, как насчет коньячку? Чисто символически?

– Ну, за компанию... с удовольствием!

– Леночка, оформите нам?

– Сейчас, одну минуточку. – Девушка с интересом посмотрела на гостя: вообще-то, как правило, ее шеф предпочитал выпивать в одиночестве или с ближайшими друзьями. Случалось, в компанию попадала и сама Леночка, но это уже было совсем другое дело...

– Ну и как вам? – поинтересовался хозяин, когда первые капли маслянистой, пахнущей дубом и солнечным светом жидкости перетекли из бокалов на языки.

– Изумительно... Армения? – Виноградов даже прикрыл глаза от удовольствия.

– Да, точно, угадали! Настоящий «Наири», коллекционный! Из тех самых, старых запахов... а теперь расскажите-ка мне еще про звонок Литовченко.

– Да, но я уже несколько раз все там... – Владимир Александрович покосился на черную пластиковую папку, лежащую перед собеседником.

– Пожалуйста.

Это было сказано так, что Виноградов предпочел не спорить:

– Одиннадцатого ноября, приблизительно в семь пятнадцать...

...Осеннее питерское утро встретило Владимира головной болью. Со стонами и неразборчивой бранью добравшись до душа, он долго поливал себя контрастными потоками воды, потом без энтузиазма почистил зубы и заставил себя растереться бескрайним махровым полотенцем.

Немного полегчало.

Надо же, погуляли! Отметили, называется, праздник – День милиции! А ведь всего на минуточку заглянул, как приличный человек и в некотором роде коллега, на огонек к знакомым оперативникам из управления по организованной преступности.

Бутылку шотландского виски принес...

В общем, с виски и начали. Потом пили пиво и, кажется, водку. Потом еще что-то...

Какие-то отрывочные воспоминания наползали одно на другое. Интересно, что еще он умудрился успеть за прошедший вечер?

Не одеваясь, Виноградов прошлепал мокрыми пятками по ковру, однако на пути к балкону попала истерзанная за ночь постель, так что ему потребовалось некоторое волевое усилие, чтобы не завалиться обратно – досыпать.

Нельзя! Нельзя... нельзя... – надо ехать в аэропорт, встречать жену из отпуска.

Выполнять, так сказать, свой супружеский долг.

Ну почему все хорошее в этом мире имеет свойство заканчиваться намного быстрее, чем мы ожидаем? Кажется, только вчера уговорил любимую супругу продлить себе лето и погреться на солнышке, посреди Средиземного моря – и на тебе, вот уже и закончились холостяцкие две недели!

Последнее время, с тех пор как обе дочери подросли, почувствовали себя самостоятельными и потеряли интерес к совместному семейному отдыху, они с женой тоже стали проводить отпуска по отдельности – все-таки после двадцати пяти лет брака следовало хотя бы изредка отдыхать друг от друга... Благо с некоторых пор преуспевающий адвокат Владимир Александрович Виноградов мог себе это позволить.

...Вид из окна был под стать настроению: мокрое небо, холодные лужи, тяжелые, серые облака.

Часы показывали начало восьмого.

Владимир вернулся в ванную комнату и достал анальгин. Разжевал, не запивая, противную горькую таблетку, прикрыл глаза и привычно стал ждать относительного облегчения...

– Виноградов?

– Ну? – Адвокат даже не сразу сообразил, что отвечает в трубку домашнего телефона.

Очевидно, он все-таки выключился на какое-то время, но рефлекс на телефонный звонок оказались сильнее похмелья.

– Владимир? Это точно ты? Что-то с голосом у тебя...

Первым делом Виноградов взглянул на часы: слава Богу, кажется, не проспал! Сейчас, если поторопиться...

– Это кто?

– Не узнаешь?

Виноградов вытер холодный пот со лба и с трудом подавил тошноту:

– Короче, кто это? Чего надо?

– Литовченко Алексей. Еще помнишь такого? Только трубу не бросай!

Почему-то Владимир сразу понял, что не ослышался:

– Откуда ты? Ты ведь вроде...

– Вроде, – не стал спорить Литовченко. – Извини, но я все же хотел бы удостовериться... скажи, к примеру, в какую руку тебя зацепило тогда, на перевале?

– Ну, допустим, в левую.

– Точно! А какой позывной у нас был?

– Долина.

– Точно, правильно... – обрадовался Литовченко. – Привет, Володя!

– Ну, привет. Так чего тебе надо-то?

– Да ты не бойся... что ж вы все там такие пуганые?

– Я очень тороплюсь, извини. – Владимир решил поскорей завершить разговор, который совсем перестал ему нравиться. – Мне жену через час из аэропорта встречать. Может, перезвонишь?

– Нет, нельзя – еще секундочку! – заторопился собеседник. – Как думаешь, твой телефон не прослушивается?

– Не знаю.

– Ладно, все равно... слушай внимательно и запоминай! Передай Генералу – ты знаешь, кого я имею в виду, – как можно быстрее всего одно слово. Полоний. Запомнил? Все! Полоний... я нашел его в Лондоне. Если им там, в Москве, хочется обойтись без скандала – пусть немедленно присылают тебя на переговоры. Немедленно, понял? Я долго ждать не могу – и не буду, ты слышишь?

– Слышу, слышу... – Владимир еще раз посмотрел на часы и приготовился положить телефонную трубку. – Это все?

– Да! Главное, так и передай: Литовченко будет иметь дело только с тобой, и ни с кем больше! Контора уже пыталась подсылать ко мне ликвидаторов...

– Я опаздываю.

– До встречи!

– Бывай здоров, старик... – Владимир нажал на кнопку отбоя, пожал плечами и прислушался к собственным ощущениям.

Голова не болела, подташнивать перестало, однако ситуация требовала некоторого осмысления...

– ...Когда и кому вы доложили о переговорах с Литовченко?

Это был первый вопрос, заданный хозяином кабинета после того, как Владимир закончил рассказ. Стоит отметить, что за последние несколько дней, после многочисленных, устных и письменных, повторений история со звонком приобрела почти каноническую завершенность – которая, впрочем, не слишком устраивала сегодняшнего собеседника.

– Когда именно это было?

– В понедельник, тринадцатого числа. После обеда.

– Почему не в субботу?

– Ну, во-первых...

– Во-первых, во-вторых, в-третьих и даже в-десятых – необходимо было немедленно поставить в известность руководство!

Обращаться к себе в таком тоне преуспевающий адвокат Виноградов давно уже не позволял никому – даже самым требовательным и денежным клиентам.

– Может быть, вы немного забыли, но... я вообще-то уже пятый год, как из Конторы уволился.

– Это ровным счетом ничего не значит! Бывших разведчиков не существует – как не существует в природе бывших негров. – Генерал переставил зачем-то пузатый бокал с коньяком. – Кстати, это прекрасно понимает и твой приятель Литовченко.

– Он мне никакой не приятель.

– Тем более! Думаешь, почему он именно тебе позвонил? Не знал, что ли, про увольнение?

– Знал, наверное, – пожал плечами Владимир.

– Да уж не сомневайся... – Хозяин протянул руку и почти наугад раскрыл черную папку. – Вон, распечатали мне про тебя с Интернета, из поисковой системы – девять ссылок на газетные публикации только за последний месяц: *«Владимир Александрович Виноградов согласился прокомментировать очередной коррупционный процесс, завершившийся оправданием его подзащитного»*... *«как заявил в интервью нашему корреспонденту известный петербургский адвокат Владимир Виноградов»*... *«адвокат Виноградов, представляющий интересы опального вице-губернатора, обвиняемого в злоупотреблении служебным положением...»*

– А я еще позавчера на радио, по «Эху Москвы» выступал.

– Ну и напрасно, – поморщился Генерал. – Нашел, с кем связываться!

– Так ведь – для пользы дела.

– Ну разве что... – Собеседник Виноградова с большим сомнением покачал головой. – Владимир Александрович, как вы лично расцениваете предложение Литовченко?

– Провокация?

– Какой смысл?

– Вам виднее.

Разумеется, шпионы-перебежчики и предатели из числа сотрудников спецслужб выходят на *инициативный* контакт с бывшими товарищами по оружию не так уж часто – даже в наше, весьма либеральное время. Однако, по правде говоря, адвокат Виноградов не ожидал, что его доклад о странном телефонном звонке из Лондона вызовет такой ажиотаж в Конторе.

Нет, сначала все было спокойно – дня два или три. Зато потом, когда информация из Санкт-Петербурга, видимо, прошла-таки по оперативным каналам *на самый верх* – сразу все вокруг Владимира Александровича закрутилось, как при ускоренном воспроизведении видеозаписи: контрольная встреча с первым заместителем начальника Управления, приглашение на беседу, больше напоминавшую допрос с пристрастием, срочный вызов в столицу...

– Допустим... Допустим, Литовченко знает, что вы несколько лет назад сняли погоны. Однако он совершенно правильно рассудил: даже если ты уже не работаешь в Конторе, то ты все равно до конца дней своих работаешь *на* нее.

Возразить было, в сущности, нечего – поэтому Виноградов промолчал.

– Телефонный номер ваш есть во всех справочниках. К тому же считается, что адвокатов, как правило, не прослушивают – даже у нас, в России. Верно?

– Ну, в общем-то...

– Литовченко, как мы уже смогли выяснить, звонил из уличного таксофона на углу Портобелло-роуд и Вестбурн-гров, по разовой телефонной карточке. Такую карточку можно приобрести в любой газетной лавке. Так что отследить его и идентифицировать по звонку практически невозможно...

Хозяин кабинета в задумчивости потер переносицу.

– Владимир Александрович, вы ведь у нас разговариваете по-английски?

– В пределах, необходимых для бытового общения, – ответил стандартной формулировкой из личного дела Виноградов.

– Ладно, не скромничайте... хотя в данном случае иностранный язык вам едва ли понадобится.

Генерал закрыл папку с рабочими материалами, встал из-за столика и отошел к окну.

– В Англии давно не были?

– Никогда не был.

Вообще-то собеседник знал это не хуже самого Виноградова.

– Придется съездить.

– Если надо... – Владимир Александрович пожал плечами. – Надолго?

– Как получится. Впрочем, не думаю.

– Когда?

Прежде чем ответить, хозяин кабинета покосился на календарь:

– Прямые рейсы в Лондон – каждый день, так... До следующего вторника мы, наверное, не успеем с визой в консульстве и с документами прикрытия, поэтому полетите в четверг. Или в среду? Пока не знаю, сегодня к вечеру определимся.

– Но, товарищ генерал...

– Что-то смущает? Дома все в порядке? Жена, дети?

– Спасибо, все благополучно.

– Это важно, – констатировал собеседник. – Это, пожалуй, самое важное. Не боишься?

– Нет. – Страх действительно не было.

Виноградов знал, что когда-нибудь погибнет – погибнет глупо, досадно и некрасиво...

Но точно так же он знал, что время для этого пока не пришло.

– Верю! Да, собственно, в данном случае как раз и опасаться-то нечего.

– Серьезно?

Генерал изобразил удивление:

– Ну и что такого? Погуляешь по Лондону за казенный счет, выпьешь пива со старым знакомым, послушаешь, что он скажет...

– Нет, я все-таки не понимаю...

– А тебе понимать и не надо. Просто послушаешь и запомнишь. А потом передашь мне все – слово в слово.

Собеседник Виноградова улыбнулся, мечтательно прикрыв глаза:

– Завидую, честное слово! Вестминстерское аббатство, Гайд-парк, Оксфорд-стрит...

– Может, вместе прокатимся? А чего? Сами сказали – дело пустяковое, опасности никакой...

Еще не закончив фразу, Владимир Александрович уже готов был откусить себе язык:

– Извините, товарищ генерал.

– Надо же? Разговорился, адвокатишка! Быстро же ты волю почувствовал...

– Извините.

– Забыл, что недержание речи в нашем деле – страшнее поноса?

– Виноват, товарищ генерал! – Виноградов поднялся из кресла и непроизвольно вытянул руки по швам.

– Только не делайте мне тут такое идиотское лицо – вы не в армии! Очень многие из молодежи, в последнее время стали утрачивать ориентиры – нравственные ориентиры! Забываются конечные цели, принципы нашей деятельности... отчего? Да оттого же, что сейчас в шпионы лезут все кто ни попадя – журналисты, артисты, домохозяйки! Откуда же взяться культуре получения секретной информации, если все измеряется в долларах, фунтах и даже в неконвертируемых израильских шекелях? А ведь мы с вами, несмотря ни на что – профессионалы. И всю жизнь участвуем в одной игре.

«Ага, конечно... – подумал Владимир Александрович, – конечно, в одной игре... только некоторые сидят за карточным столом, а остальные позволяют тасовать себя в колоде».

– Что?

– Нет, ничего, товарищ генерал.

Считается, что профессия непременно накладывает отпечаток на характер человека, на его восприятие окружающего мира. Сказать так о кадровых сотрудниках спецслужб – значит не сказать ничего... Для этой категории людей просто рано или поздно перестает существовать что-либо вне их профессиональных интересов.

Любой собеседник оценивается лишь как источник возможной опасности или потенциальный объект для вербовки. Дуплистые, изумительной красоты деревья в старинном парке начинают привлекать внимание в первую очередь в качестве тайников при бесконтактной передаче информации... и даже нехитрый рассказ ребенка, вернувшегося из школы, они воспринимают в одном ряду с сообщениями агентуры и доверенных лиц.

Ущербность сотрудников специальных служб как раз и заключается в том, что они этой ущербности не замечают.

– Ладно! Садись. И слушай внимательно. Думаю, в Лондоне он найдет тебя сам...

* * *

Водитель дисциплинированно дождался зеленого сигнала светофора и повел машину дальше, мимо здания Центрального уголовного суда Old Bailey. Глаза у золоченой статуи Фемиды, венчающей купол, завязаны не были – и, очевидно, это должно означать, что правосудие здесь вовсе не беспристрастно...

Автомобиль проскочил мимо серой громады старинного госпиталя, построенного еще в елизаветинские времена, и, притормаживая, выкатился на площадь, где по будним дням располагается продовольственный рынок Smithfield – едва ли не последний из овощных рынков английской столицы, устоявший под натиском супермаркетов.

Еще через пару минут человек за рулем наконец отыскал свободное место, припарковался и выключил двигатель.

– Извините, сэр, но дальше придется пешком.

– Дождь идет, – недовольно отметил сидящий рядом с водителем, одетый в очень дорогой, прекрасно сшитый костюм – который, впрочем, на его огромной фигуре боксера-тяжеловеса выглядел несколько тесноватым.

Охранники с такой внешностью привлекают к себе излишнее внимание и редко оказываются эффективны в боевом применении – но, очевидно, тут сказывался восточный колорит с его своеобразной системой внешних приоритетов и с собственными представлениями о престиже.

– Все в порядке?

– Здесь недалеко, сэр. – Водитель с некоторым смущением посмотрел назад и добавил: – У меня есть зонтик!

Ответа пришлось подождать. Тот, к кому они обращались, последнее время старался не принимать поспешных решений. Наконец он утвердительно опустил и поднял рыжеватую бороду:

– Ну разве что зонтик...

Во внешности сорокалетнего бородача и его сопровождающего, на первый взгляд, было не так уж много общего. Однако на далекой, оставшейся за тысячи километров отсюда исторической родине каждый милиционер безошибочно и мгновенно отнес бы обоих мужчин к пресловутой категории *лиц кавказской национальности*.

– Хорошо, прогуляемся.

Первым вышел из автомобиля охранник. Поводив головой по сторонам и оценив обстановку, как не внушающую опасений, он тихо щелкнул предохранителем и убрал руку от пояса:

– Прошу вас!

Водитель уже был тут как тут. Обежав нескончаемо длинный, похожий на черную субмарину представительский «мерседес», он потянул на себя дверцу – и раскрыл над головой пассажира обещанный зонтик:

– Прошу вас, сэр...

Так они и двинулись по Алдергейтс-стрит, перегороженной длинной цепочкой красных и белых пластмассовых конусов: впереди – молодой и широкоплечий здоровяк, а за ним, в двух шагах, охраняемое лицо и водитель с зонтиком.

– Там, дальше – дорожные работы, никак нельзя...

Вот как раз в этом не было ничего удивительного – лондонские улицы с завидным постоянством перекапывают вдоль и поперек представители газовых, электрических, кабельных и телефонных сетей.

– Эти ремонтники, они ведь заранее не предупреждают...

Водитель продолжал зачем-то оправдываться, но бородач его почти не слушал:

– Все в порядке, я сказал!

Это было произнесено таким тоном, что человек с зонтиком осекся на половине фразы – и дальше все трое двигались в полном молчании.

Из-за противной даже по лондонским меркам погоды, празднующейся публики навстречу почти не попадалось – только туристы, группами и поодиночке. Местные жители, очевидно, уже расселись по пабам, или коротали время дома перед телевизором.

Луж не было, однако подошвы опасно скользили по мокрой каменной мостовой.

– Простите! – Сопровождающий задел бородача краем зонтика.

– Ничего страшного...

Судя по афише, сегодня на камерной сцене всемирно известного лондонского театрального комплекса Барбикан-центр давали «Гамлета» – очередной аргумент против тех, кто решился бы обвинить англичан в пренебрежении культурным наследием прошлого.

– Сюда заходим?

– Да, одну минуту.

Охранник внимательно, с профессиональной настороженностью, наблюдал за действиями человека с зонтиком, умудряясь одновременно не выпускать из поля зрения окружающее пространство.

Кажется, оснований для беспокойства не было и сейчас.

– Смотрите под ноги, здесь ступенька...

В помещение театра все трое попали через один из служебных входов.

Миновав бесконечный и безликий коридор, единственным украшением которого оказалась шеренга однообразных дверей с номерными табличками, спутники поднялись по чисто вымытой мраморной лестнице.

Нужный номер обнаружился в конце следующего коридора, за поворотом:

– Салам, уважаемый господин Закатов! Прошу, проходите, присаживайтесь.

Человек, шагнувший навстречу гостям, оказался немного моложе бородача: улыбчивый, русоволосый, с широким славянским лицом и с глазами, цвет которых при тусклом электрическом освещении определить было невозможно.

Пришедшие ответили на приветствие, и гость обвел взглядом комнату.

– Странное место вы выбрали.

– А почему бы и нет? Идеальное место для встреч без свидетелей... К тому же мне в некотором роде захотелось сделать вам приятное.

– Не понял?..

- Если не ошибаюсь, в молодости вы и сами имели отношение к актерской профессии?
- О, вы очень хорошо осведомлены!

В действительности много лет назад, еще при советской власти, молодой комсомольский функционер, выпускник театрального института Ахмед Закатов не только играл на сцене, но и руководил в родной горной республике культурно-массовой работой среди молодежи. Однако вдаваться в подробности собственной биографии, особенно здесь и сейчас, не имело особого смысла.

- Присаживайтесь, уважаемый...

Оставшись вдвоем за бесшумно и плотно прикрытыми от остального мира дверями, собеседники расположились в черных кожаных креслах напротив друг друга.

- Как дела? Как здоровье?
- Благодарение Аллаху, – поморщился гость.

– Я очень рад, господин Закатов, что вы согласились уделить мне немного вашего драгоценного внимания.

- Надеюсь, общение будет взаимно полезным.
- Мы можем разговаривать достаточно откровенно?
- Да, конечно. – Гость качнул бородой и приготовился слушать.
- Видите ли, уважаемый господин Закатов, прежде всего мне хотелось бы попросить вас об одной вещи... надеюсь, эта просьба не окажется слишком бестактной?

- Смотря о чем вы говорите.

– Поверьте, в высшей степени важно, чтобы не только содержание, но и сам факт нашей встречи ни при каких обстоятельствах не стал достоянием гласности. Понимаете?

- Пока не очень, – усмехнулся Закатов.

– Видите ли, я пригласил вас на эту встречу по собственной инициативе. Однако и у вас, и у меня имеются определенные обязательства перед определенными людьми...

– Вы хотите сказать, что об этой встрече не догадывается даже ваш... хозяин? – Ахмед Закатов намеренно подчеркнул интонацией последнее слово.

Глаза сидящего напротив человека опасно сощурились: он всегда был болезненно, до отчаяния, самолюбив, и если не встал тотчас же и не ушел, хлопнув дверью, – значит, причины для этого имелись серьезные.

- Я предпочел бы в дальнейшем использовать слово «друг»... если не возражаете.
- Хорошо-хорошо, конечно!

Серьезный разговор – это не кавказская кухня, тут главное не переперчить и не пережарить.

– Как бы то ни было, мы с вами находимся на территории государства, предоставившего многим противникам нынешнего московского режима не только политическое убежище от преследований в России, но и возможность продолжать борьбу... Насколько мне известно, здесь, в Англии, местными мусульманскими общинами из года в год собирались весьма значительные средства на нужды вооруженного чеченского сопротивления. Однако сейчас, после известных событий, общественное мнение Великобритании...

- Вы имеете в виду атаки лондонского метро? – пригладил бороду Ахмед Закатов.
- Совершенно верно.
- Вы их осуждаете?

- А вы разве нет? – ответил вопросом на вопрос собеседник.

– Из-за этих взрывов некоторые наши английские друзья считают теперь преступниками и нас... Однако, надеюсь, это не все, что вы хотели мне сказать, приглашая на встречу?

- О нет, конечно же не все, уважаемый господин Закатов...

Неожиданно что-то гроыхнуло – раскатисто и неопасно: звук был приглушен то ли расстоянием, то ли толстыми стенами.

– Гроза? – прислушался Ахмед Закатов.

За годы, прожитые в эмиграции, он так и не смог привыкнуть к причудам и неожиданностям лондонской погоды.

– Нет. – Человек, сидящий напротив него, отрицательно покачал головой. – Просто внизу начинается вечернее представление.

– Какое представление?

– «Гамлет, принц Датский». Здесь, кстати, любопытная труппа. И режиссер... не видели еще?

– Не довелось, – сокрушенно покачал головой Закатов.

Где-то там, в зрительном зале, оркестр исполнял что-то красивое и торжественное – однако музыка проникала сквозь стены лишь в виде тревожного рокота ударных инструментов.

– Вот так всегда: война, политика, работа... опять война – а жизнь проходит мимо. Можно даже сказать, уже прошла.

– Что значит – проходит, уважаемый? Что значит – прошла? Вслед за молодостью у мужчины, как известно, наступает зрелость. А старость... Вряд ли нам с вами наши многочисленные враги предоставят возможность узнать, что же это за штука – старость.

Ахмед Закатов улыбнулся – очень скупой, одними губами.

– Враги, да... враги... Знаете, как один умный человек говорил? Он говорил: Господи, спаси меня от друзей – а с врагами я как-нибудь сам справлюсь!

– Золотые слова... – покачал головой собеседник.

И тот и другой могли привести массу примеров того, как причудливо трансформируются под горным кавказским солнцем привычные, казалось бы, понятия: друг, враг, измена, выгода...

Например, оба едва ли не из первых уст знали историю о том, как наряд одного из ОМО-Нов задержал в зоне боевых действий двух подозрительных бородачей без документов. Сговориться удалось «по-божески»: всего за тысячу долларов и пять миллионов российских рублей по тогдашнему курсу боевики отправились восвояси. Но то ли жадность их обуюла, то ли просто стало – слю-шай! – обидно... Словом, дети гор пришли к родственникам в республиканскую прокуратуру, созданную из Москвы, но укомплектованную местными кадрами. Там у них с радостью приняли заявление, все показательно оформили, выписали постановления на задержание омовцев... и отправили гонца к подполковнику, командиру сводного отряда. Отправили не с лихим конвоем военной комендатуры, а с выгодным коммерческим предложением – выкупить дурно пахнущие документы всего за пятнадцать миллионов!

И подполковник заплатил. Не сам, конечно – что-то вернули «виновники торжества», что-то пришлось взять из казенных, выделенных на скудное милицейское пропитание сумм... А как прикажете поступить? Мог получиться показательный процесс, а тут столичная комиссия, пресса...

Карьера дороже!

А прибыль местные товарищи между собой поделили по-честному – долю пострадавшим боевикам, долю в местную прокуратуру... Еще и в наваре остались.

Играть словами, впрочем, можно было еще очень долго – следовало переходить к делу.

– Послушайте тогда еще одну умную мысль. Вот ваш писатель Тургенев еще сто пятьдесят лет назад сказал: русский за границей – если не шпион, то дурак! На дурака ты вроде не похож...

– А я не русский, – мгновенно отреагировал собеседник. – Я по паспорту украинец...

– Смешно, – оценил его ответ Закатов. – Так чего же вам все-таки надо?

– Мне нужны деньги.

– Попросите у вашего... друга.

– Мне нужно много денег.

– Попросите у ваших английских друзей.

– Вряд ли они заплатят мне столько, сколько я хочу. Нет, конечно, англичане заинтересуются, однако... однако я почему-то посчитал более правильным и разумным обратиться в первую очередь именно к вам – и к вашим... хозяевам, уважаемый господин Закатов.

* * *

Собачка была какой-то неопределенной породы – во всяком случае, Стивен Ремингтон затруднился бы сказать что-то конкретное о ее родителях. Немного от спаниеля, немного от лохматого карманного шпица... Хвост колечком и длинная, с подпалинами черная шерсть на боках.

Кинолог, парень в новеньком форменном комбинезоне, отдал команду и щелкнул карабином поводка. Чувствовалось, что волнуются оба – и он, и его четвероногая подопечная.

– Легендарная сука! – прокомментировал над ухом мистера Ремингтона чей-то голос по-английски, но с отчетливым местным акцентом.

Собака тем временем двинулась в указанном направлении.

На большой деревянной скамье с поломанной спинкой расположилась компания откровенно асоциальной ориентации – какие-то волосатики неопределенного пола и возраста, парни в коже с заклепками, татуированные девицы. В общей сложности – человек десять. И вели они себя соответственно принятым в этой среде представлениям о свободе: сладковатый дымок, дешевое пойло в бутылках, пластиковые стаканы и закуска не первой свежести...

Трава вокруг них была до неприличия изгажена плевками и окурками.

Пока собака преодолевала расстояние до скамейки, рядом с компанией уже остановился полицейский «форд». Еще один патрульный наряд, пеший, перекрыл потенциальным правонарушителям пути возможного бегства.

С места, где стоял Ремингтон, расслышать содержание разговора представителей власти с молодежью оказалось практически невозможно. Но и без того суть диалога сомнения не вызвала: полицейские требовали документы, а в ответ наталкивались на искреннее возмущение граждан, уже начавших привыкать к демократическим свободам.

Подбежала собака... Поначалу вид ее вызвал только ухмылки и некоторое снисходительное оживление: кто-то громко, в расчете на испуг, выкрикнул непонятную гадость, кто-то расчетливо выпустил в нос четвероногому существу струю дыма.

Но на собаку все это, кажется, не произвело ни малейшего впечатления. Деловито, сосредоточенно обежав подозрительную компанию, она даже для верности протиснулась между двумя потрепанными «ройверскими» рюкзаками – но вдруг замерла рядом с обычной дорожной сумкой на длинном кожаном ремешке.

Села. Подняла морду к небу и коротко тявкнула.

За долю секунды обстановка переменилась. Под прицелом полицейских пистолетов задержанные нехотя, но довольно дисциплинированно улеглись на траву – недовольными физиономиями прямо в грязь. Тех, кто не очень спешил, без особых церемоний поторопили дубинкой.

Подождали кинолога... Подошедший вместе с ним детектив в штатском ласково потрепал по загривку четвероногую помощницу и переставил находку так, чтобы всем было видно. Растегнув молнию, он извлек на свет божий в числе прочего большую банку с этикеткой всемирно известного растворимого кофе...

Собака опять утвердительно тявкнула. Детектив подцепил лезвием перочинного ножа крышку и хорошенько потряс находку. Из банки выпал полиэтиленовый пакет чуть больше того, что выдают в фирменных поездах дальнего следования для гигиенических целей.

Только на этот раз вместо салфетки и мыла в нем находился белый, похожий на мел порошок.

– Учтите, во всех сумках размещены сильно пахнущие продукты! – послышался за спиной мистера Ремингтона тот же, что и раньше, негромкий голос. – Различный перец, листовой табак... чеснок.

В поисках последнего слова по-английски говорящий чуть-чуть замешкался.

– Да, правильно – чеснок!

– А как теперь будет доказана принадлежность наркотиков? Все задержанные будут отпираться. Может получится товар без владельца... – Несмотря на значительное расстояние до места действия, Ремингтон старался отвечать почти шепотом.

– Во-первых, они будут допрошены по отдельности... и кто-то обязательно даст показания. Кроме того, перед вокзалами обычно ведется негласная видеосъемка, на которой зафиксировано, кто именно и с какими вещами появился.

– Очень хорошо!

Тем временем задержанных уже начали довольно бесцеремонно обыскивать и грузить в подошедший автобус без опознавательных знаков, но с кокетливыми занавесочками на окнах.

– Жестко работаете.

– Иначе нельзя, мистер Ремингтон.

Заплеванный пятак перед серым кирпичным баракон, призванным изображать транспортный терминал, опустел.

– Живописное место.

– Да, это тоже часть нашей истории...

На показательные выступления прессу, участников и гостей международного семинара «Проблемы транснациональной организованной преступности, противодействия терроризму и незаконному обороту радиоактивных веществ» вывезли за город, на территорию заброшенной колонии. При Советском Союзе эта колония считалась одним из крупнейших в стране исправительно-трудовых учреждений – несколько тысяч заключенных из года в год несколько десятилетий подряд добывали из местных карьеров балтийский гранит и дробили его для промышленных нужд народного хозяйства. После распада СССР исправительно-трудовую колонию, как наследие мрачного прошлого, решительно расформировали, производство пришло в упадок – так что о былых его масштабах напоминали теперь только огромные горы щебня, закрывающие горизонт и заметные на расстоянии в несколько километров.

Откровенно говоря, человеку с воображением становилось не по себе при виде пустых, наполовину разрушенных производственных корпусов и бесконечного ряда однообразных кирпичных баракон. Бетонное ограждение по периметру зоны еще сохранилось – но вот обрывки колючей проволоки и проводов на нем можно было обнаружить лишь в самых труднодоступных местах: предприимчивые местные жители давным-давно сняли, вывезли и продали на лом почти все металлическое, включая ворота...

– Подождите еще минуточку, господа!

Зрители уже собрались встать со своего наблюдательного пункта, когда полуразрушенный жилой корпус напротив вдруг полыхнул изнутри пронзительно-ярким белесым пламенем, содрогнулся – и осыпался на асфальт мелкой крошкой выдавленных наружу стекол. Вдоволь насмотревшийся в Боснии и в Северной Ирландии подобных фейерверков, Ремингтон непроизвольно дернулся вниз и потянул руку под пиджак в поисках кобуры: опыт подсказывал, что вслед за первыми взрывами часто следует интенсивная перестрелка.

Так и произошло.

Откуда-то справа, невидимый из-за грязных бетонных конструкций, заявил о себе пулемет. Короткими, злыми трассами он прошелся по пустынным оконным проемам – и не пре-

крашал огня, пока под прикрытие стен, в непросматриваемую и непростреливаемую «мертвую зону» не перебежало несколько угловатых фигурок в черном.

Одинаково экипированные и вооруженные, они не воспринимались как отдельные персонажи разворачивающихся событий – скорее это были великолепно отлаженные, ставшие единым целым элементы полицейской наступательной машины. Практически не снижая темпа, они специальными средствами расчистили себе вход и одновременно исчезли в здании – кто-то через недостроенный второй этаж, кто-то низом...

Некоторое время изнутри еще доносились отчаянные пистолетные выстрелы и хлопки штурмовых гранат. Потом все стихло. В угловом проеме что-то мелькнуло – и с высоты в несколько метров на кучу битого стекла вывалилось изогнутое в полете тело: джинсы, рубашка болотного цвета...

– Тьфу, дьявол!

Кто-то рядом облегченно выругался по-немецки:

– Вот дают... шутники! Я уж было подумал...

Чучело, сброшенное из окна, выглядело настолько натурально, что обманулся не только Ремингтон.

– Это что – ваш национальный эстонский юмор? – поинтересовался он.

– Спецназ! Веселые ребята... только немножко хулиганы, – со снисходительной улыбкой пояснил заместитель министра внутренних дел республики, отвечающий за проведение семинара.

Зрители постепенно приходили в себя от грохота и обилия впечатлений.

– Тут у вас в пресс-релизе указано... да, так, вот – четвертый пункт: «демонстрация действий специального подразделения Министерства внутренних дел по ликвидации банды вооруженных террористов». Это оно и было? – Подошедший корреспондент польской газеты приготовился записать: сдвинул на бок фотоаппарат и переложил бумаги в левую руку.

Брюки его на коленях испачкались, плечо было присыпано известкой.

– Да, совершенно верно!

– Скажите, случались ли в практике эстонской полиции случаи реального применения этих навыков? И какого рода террористы имеются в виду – политические, уголовные, религиозные?

– Знаете... После обеда запланирована итоговая пресс-конференция. Там будет присутствовать и командир группы специального назначения – так что лучше задать этот вопрос ему. Этот – и другие вопросы, ладно?

Поляк пожал плечами – что же поделаешь... В каждой избушке свои погремушки.

– Минуточку, господа! Все собрались?

Ответом был неорганизованный, но вполне миролюбивый гомон собравшихся вокруг журналистов: видно было, что пишущая и снимающая братия осталась вполне довольна показательными выступлениями.

– Сюрприз!

У противоположного края бетонного плаца откуда-то появился внушительных размеров щит.

– Спокойно... Прошу тишины.

Прямо над головами собравшихся, едва различимые среди посторонних шумов, послышались частые хлопки выстрелов.

– Что это?

– Обратите внимание, господа...

До щита было метров сто пятьдесят, и поверхность его вдруг, за считанные секунды, украсилась вензелем из двух латинских букв – *E* и *P*.

– Европол?¹

– Совершенно верно, господа! – подтвердил заместитель министра. – И это лишь немного из того, что умеет наша элита – снайперы департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

Работа была действительно неплохая – многочисленные дырки от пуль образовывали равномерные, словно простроченные на швейной машинке линии. Да и плотность огня впечатляла... Журналисты защелкали фотокамерами, но первыми рядом со щитом оказались ребята из съемочных групп телевидения.

– Какое оружие используется вашими людьми?

– Можно ли встретиться с кем-нибудь из сотрудников спецподразделения?

– Эти ребята – они все бывшие спортсмены?

– Ведется ли отбор в элитные подразделения эстонской полиции по национальному признаку?

Попавший в плотное кольцо прессы представитель республиканского МВД лишь загадочно щурил глаза и мотал головой.

– Не сейчас, господа! Дождитесь, пожалуйста, пресс-конференции...

Кто-то из особо активных уже лез туда, где, по его мнению, должна была находиться огневая позиция снайперов.

– А сейчас прошу всех участников семинара и прессу по автобусам! Обед... Ждать не будем.

Волшебное слово умирало пыл вечно голодных журналистов, и народ потянулся к выходу с территории бывшей советской колонии, превратившейся на сегодня в полицейский полигон.

...На это раз высокой чести накормить обедом многочисленных иностранных гостей удостоился древний и крохотный курортный городок под названием Хаапсалу. Столы были накрыты заранее в ресторане недавно построенного отеля Fra Mare – обильно, вкусно и очень сытно.

Простая, без особых изысков, национальная кухня: копченая, пахнущая дымом селедка, балтийские килечки особого посола, какие-то колбасы и колбаски десяти разных видов, приправленные тмином овощи, свинина, сыр... Так называемое «Советское» шампанское, которым угощали при входе, ни на кого особого впечатления не произвело – зато вкус джина из местного можжевельника, а также многообразие сортов пива, сваренного по-домашнему, никого из знатоков и любителей не оставили равнодушным.

– Вам понравилось, мистер Ремингтон?

– Спасибо, очень неплохо...

Стивен Ремингтон терпеть не мог газированных прохладительных напитков – все эти разнообразные колы, фанты, спрайты и прочую гадость для бедных...

Он любил молоко. И натуральные соки. А дома, вечером, когда не требуется быть на людях, предпочитал всему прочему пинту темного, чуть подогретого пива – вроде того, что разливала сейчас гостям из тяжелого глиняного кувшина девушка в национальном костюме.

Впрочем, сейчас о подобной вольности не могло быть и речи.

Положение обязывает!

Мистер Ремингтон представлял на конференции не себя самого, а старейшее на континенте полицейское ведомство – и оттого вместо пива вынужден был запивать обеденное угощение местной минеральной водичкой из пластиковых бутылок.

– Очаровательный вид, не правда ли?

– Совершенно верно.

¹ Центральное координационное полицейское ведомство Европейского союза, штаб-квартира расположена в Гааге.

Панорамные окна выходили прямо на залив, так что из ресторана отеля можно было без труда разглядеть противоположный берег с величественным силуэтом старинной епископской резиденции.

– Это самое настоящее северное Средневековье, мистер Ремингтон... – Заместитель министра в течение всего семинара не упускал возможности попрактиковаться в английском языке: – Конечно, это не пламенеющая готика Парижа и не палаццо итальянских дождей – но ведь и строительные материалы здесь другие. Как говорится: из местного известняка нотрдамов не построишь...

– Впечатляющий вид.

– По окончании официальной части для нас запланирована экскурсия...

– Буду счастлив принять в ней участие.

В первый день семинара Стивен Ремингтон узнал, что эстонское МВД не так давно выселило из центра Таллина крупнейшую в республике кондитерскую фабрику «Калев», чтобы занять для собственных департаментов и канцелярий принадлежащее фабрике здание. И теперь он с большим трудом заставлял себя принимать заместителя министра всерьез – англичанину постоянно казалось, что от сопровождающего по-детски пахнет карамелью, марципаном или корицей.

...После обеда там же, в отеле Fra Mare состоялась и пресс-конференция.

– Пожалуйста? Еще вопросы к представителю Скотленд-Ярда...

– Мистер Ремингтон, мы уже слышали выступление руководителя московской делегации... А что вы лично думаете о российской организованной преступности на территории Англии?

Ремингтону перевели, и он ответил почти без паузы:

– Я о ней не думаю. Я с ней борюсь – так же, как, впрочем, и с любой другой... Безусловно, этнические и религиозные особенности организованных преступных сообществ существуют. Но по сути своей любые криминальные структуры одинаково отвратительны.

Журналисты и гости захлопали – кто с энтузиазмом, а кто просто так, из вежливости.

Мистер Ремингтон широко улыбнулся, и по залу прокатилась волна фотовспышек.

– Нельзя ли поподробнее рассказать о новых формах и методах работы Скотленд-Ярда? Может быть, следует активнее рекламировать успехи британской полиции в борьбе с организованной преступностью и терроризмом?

– Не думаю... – Англичанин улыбнулся еще раз. – В Священном Писании сказано: «Судите о них по делам их...»

– Правда ли, что британские полицейские принципиально не носят оружия?

На памяти мистера Ремингтона не было еще ни одной пресс-конференции, на которой иностранцы не задавали бы этот вопрос. Пришлось ответить на него, очевидно, в тысяча первый раз:

– Это не совсем так. До недавнего времени наши «бобби» действительно не были вооружены ничем. Даже резиновых дубинок не носили, потому что бытовало мнение, будто безоружный полицейский не будет провоцировать преступника на применение оружия. Дубинки, после долгих споров, лондонским полицейским выдали около десяти лет назад, а четыре или пять лет назад они получили также огнестрельное оружие... Разумеется, речь идет об обычных постовых и патрульных на улицах, а не о спецподразделениях Скотленд-Ярда – таких, например, как группы захвата.

– Спасибо... еще вопрос?

– Какова общая статистика и структура преступности в Великобритании?

Мистер Ремингтон постарался дать ответ, оперируя данными официальной статистики:

– Увы, все не так хорошо, как бы хотелось. Например, у нас ежегодно совершается до полутора миллионов краж, так или иначе связанных с автомобилями, – это, пожалуй, самый

высокий показатель в Европе. Вообще же, имущественные преступления, такие как кражи со взломом, заметно преобладают над насильственными преступлениями. В том числе и над насильственными преступлениями сексуального характера.

– И как высока, по-вашему, эффективность работы английской полиции?

– У нас по стране в среднем раскрывается до девяноста трех процентов убийств... – Мистер Ремингтон сделал паузу, чтобы переждать удивленный шумок, прокатившийся по залу, и только после этого продолжил: – Однако, к сожалению, общий процент раскрываемости преступлений пока не превышает двадцати пяти процентов...

Не дожидаясь следующего вопроса, он поторопился добавить:

– Более того, приведенные мной данные не включают в себя преступления, о которых жертвы вообще не стали сообщать в полицию. Например, среди тех, кто пострадал от краж со взломом или от карманных краж, не подает заявления о преступлении почти каждый третий... Почему это происходит? По разным причинам.

– Англичане не доверяют своей полиции?

Мистер Ремингтон взглянул на журналиста, задавшего вопрос, и, прежде чем ответить, вежливо улыбнулся еще раз:

– Очевидно, среди англичан есть и такие люди. Как и среди граждан других государств.

– Имеется ли в уголовной полиции Соединенного Королевства практика преднамеренного укрытия преступлений от учета?

– Мне об этом ничего не известно. Наверное, такие случаи имеют место, однако они носят едва ли не единичный характер.

– Мистер Ремингтон, разрешите? – Кажется, толстый светловолосый мужчина из второго ряда представлял на пресс-конференции какой-то прогрессивный финский еженедельник с непроизносимым названием. Во всяком случае, по-английски он говорил почти без акцента. – Новые времена бросают человечеству новые вызовы... Наряду с такими традиционными для буржуазного общества преступлениями, как насилие, кражи и грабежи, полицейским все чаще приходится сталкиваться с актами терроризма. Что вы можете противопоставить этому страшному явлению современной цивилизации?

– А с чего вы взяли, что для нас это новый вызов – да еще и нового времени? Между прочим, Англия – единственная страна мира, в которой одним из самых популярных государственных праздников является день, когда полиция схватила террориста!

Журналисты в зале заинтересованно зашевелились.

– Разве вы не слышали про Гая Фокса, который четыреста лет назад попытался взорвать короля и парламент? С тех пор вся страна пятого ноября празднует разоблачение так называемого Порохового заговора... так что борьба с терроризмом – это, к сожалению, вполне традиционное занятие британской полиции. К тому же, господа, не следует забывать, что за несколько прошедших десятилетий нами накоплен значительный – и во многом бесценный – опыт агентурного, оперативно-следственного и силового противостояния террористам из Северной Ирландии...

– Ваше самое заветное желание, мистер Ремингтон?

– Хм-м... самое заветное желание? Пожалуй, мне очень хотелось бы оказаться тем самым полицейским, который защелкнет наручники на запястьях последнего в истории человечества преступника.

Услышав перевод, зал опять немного поаплодировал.

Прессе мистер Ремингтон, безусловно, понравился.

– Да вы оптимист! Романтик... – по-английски шепнула ему на ухо соседка.

Ремингтон все никак не мог запомнить и правильно воспроизвести фамилию смуглой, почти темнокожей красавицы, представлявшей на конференции Западно-Европейское бюро

Интерпола. Поэтому, прежде чем ответить, он покосился на пластиковый прямоугольник, почти горизонтально расположившийся на ее высокой груди:

– Вероятно, фрау Ратцель.

Ни имя, ни фамилия нисколько не соответствовали внешности соседки, поэтому мистер Ремингтон решил для себя, что они настоящие: очевидно, красавица была плодом бурной любви между каким-нибудь чернокожим солдатом-американцем, проходившим службу в оккупационной зоне в Западной Германии, и впечатлительной немки из хорошей семьи, не устоявшей перед его чарами.

– Фрейлейн Ратцель... – поправила соседка.

– О, простите!

– Вы можете называть меня просто Марта.

Интересно, задумался англичанин, какими ветрами заносит женщин с такой вызывающей сексуальностью на полицейскую службу?

Кроме мистера Ремингтона и темнокожей немки на залитой светом прожекторов сцене потел ведущий пресс-конференцию заместитель эстонского министра внутренних дел. Все трое чувствовали себя на редкость неуютно – организаторы посадили их так, что весь зал оказался внизу, и вниманию собравшихся прежде всего представляли две пары мужских и одна пара женских ног, торчащих из-под шаткого столика-трибуны.

Все предыдущие мероприятия международного полицейского семинара по проблемам противодействия терроризму и незаконному обороту радиоактивных веществ проводились в Таллине – в столице небольшой прибалтийской республики, очень гордой недавним вступлением в НАТО. И только в самый последний день всех участников и гостей семинара, а также представителей прессы автобусами вывезли за город...

На такое скопление публики конференц-зал отеля рассчитан не был. Журналисты, охрана, сопровождающие... Люди сидели и даже стояли чуть ли не на головах друг у друга – относительный простор оставался только на сцене. И то лишь благодаря тому, что ее оформление свели к минимуму: разлапистый герб Интерпола на заднике, наполовину свернутые флаги в углу, три стула – и тот самый злополучный столик с не достающей до пола драпировкой.

– Ну вот, поток вопросов постепенно исчерпался... – Заместитель министра коротким движением отер со лба пот и кивнул в сторону сидящих рядом: – Видите ли, в силу профессиональной привычки нам легче спрашивать, чем отвечать. Поэтому хотелось бы попросить снисхождения... Как, господа журналисты?

Почти три часа в душном зале! Всем, вполне естественно, хотелось выбраться на свежий воздух – и публика одобрительно загудела. В конце концов, официальная программа семинара была уже исчерпана.

– Простите, а можно?.. – К микрофону протиснулась худенькая девушка, плотно упакованная в джинсовый костюмчик. Она уже давно ждала своей очереди – и теперь до смерти перепугалась, что прогрессивное человечество не услышит заготовленный ею вопрос.

– Кто же откажет даме! – улыбнулся вежливой прибалтийской улыбкой ведущий. – Тем более, такой очаровательной...

– Это общий вопрос, ко всем... – Журналистка с трудом перекрикивала нестройный гомон уже настроившихся на выход коллег: – Если семинар посвящается проблемам, связанным с транснациональной организованной преступностью... не логично ли было бы пригласить и ее представителей? Дать им возможность высказаться, что-то объяснить?

Зал отреагировал даже раньше сидящих на сцене – ироничными репликами и смешками.

От дверей потянуло дымком сигарет...

– Господа, тише! – призвал к порядку заместитель министра. – Господа...

– Кстати, весьма любопытная формулировка, – неожиданно поддержал пунцовую от смущения журналистку мистер Ремингтон. Он вообще был хорошо воспитан и всегда вставал на

сторону тех, кого обижают. – Если бы здесь давали приз за самый интересный вопрос, он был бы присужден именно вам.

– Ответите? – уточнил ведущий. – Или, может быть, вы?

– Нет, благодарю... В другой раз! – отрицательно помотала великолепной гривой черных волос госпожа Марта Ратцель.

– Мистер Ремингтон?

– Да, конечно, с удовольствием... – сделал паузу представитель Скотленд-Ярда. – Я позволю себе ответить вопросом на вопрос. А почему вы думаете, что представители международной организованной преступности не заявили сюда и без нашего приглашения? Думаете, им не интересно знать, что здесь происходит? Конечно, они не носят на груди соответствующих пластиковых табличек, однако...

Публика постепенно притихла, вслушиваясь в слова переводчика.

– Однако наивно было бы предполагать, что современная мафия – это бритоголовый боксер-вышибала или зловещий толстяк с еврейским носом и сицилийским акцентом. Нет, господа! Тот, кто работает на международные криминальные структуры, тот, кто способствует терроризму и незаконному обороту радиоактивных веществ, обязательно должен иметь безупречную внешность и блестящую репутацию – бизнесмена, полицейского... журналиста! Или журналистки... Иначе нам было бы очень легко бороться с преступностью. Вы удовлетворены?

– Ответом? Вполне, – кивнула уже немного оправившаяся от смущения «джинсовая» девушка.

– Вот и ладно! – Пора было заканчивать.

Ведущий опять взял инициативу в свои руки:

– Прежде чем поблагодарить участников пресс-конференции...

Не прошло и пяти минут, как последнее официальное мероприятие семинара успешно завершилось. Толпа журналистов повалила на улицу, весело переругиваясь и толкаясь в проходах: за неделю разноязычные представители прессы успели привыкнуть друг к другу, но еще не настолько, чтобы надоест.

– Пора и нам! – поднялся заместитель министра.

Мистер Ремингтон щелкнул замочками своего портфеля.

– Хорошо!

Снаружи, за стенами душного кинозала, было действительно великолепно...

– Вы сегодня куда-то торопитесь? У вас есть какие-то планы на вечер?

Вопрос представительницы Интерпола застал Ремингтона врасплох – и он непроизвольно огляделся по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии посторонних ушей.

– Программа семинара предусматривает еще посещение...

– Нам надо встретиться. Сегодня же. Без свидетелей.

– Простите?

Искреннее непонимание и удивление в глазах англичанина заставило его очаровательную собеседницу рассмеяться и покачать головой:

– Нет, милый мистер Ремингтон, к сожалению – вовсе не для того, о чем вы сейчас подумали! Нам всего лишь необходимо поговорить.

– Я к вашим услугам.

– Речь пойдет об активности русских, обосновавшихся в Великобритании. Наш источник, имеющий некоторое отношение к нелегальной торговле радиоактивными изотопами, сообщил, что...

Глава 2

Несколько лет назад Стивен Ремингтон стал вторым помощником комиссара полиции Большого Лондона – и в этом качестве руководил специальным отделом Скотленд-Ярда.

– Ты не сердись, дорогая?

Юная миссис Ремингтон выходила за него замуж, когда Стивен еще только начинал служить в полиции, и за долгие, долгие годы совместной супружеской жизни привыкла жертвовать маленькими семейными радостями во имя больших государственных интересов.

– Ничего страшного, дорогой! Я буду ждать тебя к ужину...

– Еще раз извини, дорогая...

Мистер Ремингтон нажал на кнопку отбоя и убрал в карман мобильный телефон.

– Едем на работу, Джордж.

Времени, как обычно, катастрофически не хватало.

Возможно, его вообще больше не осталось – и поэтому, несмотря на солнечное воскресное утро, служебная автомашина везла мистера Ремингтона из международного аэропорта не домой, а в самый центр Вестминстера, к массивному бетонному зданию Скотленд-Ярда.

В наши дни, когда в Лондоне, из-за повсеместной террористической угрозы, со стен большинства государственных учреждений убраны таблички с названиями, у полицейского ведомства достаёт силы воли и мужества ни от кого не таиться: на некотором расстоянии от главного входа днем и ночью неторопливо вращается трехгранная призма с надписью: NEW SCOTLAND YARD...

Центральное ведомство лондонской полиции создал в тысяча восемьсот двадцать девятом году тогдашний министр внутренних дел Роберт Пил. Именно благодаря ему лондонские полицейские и сегодня зовутся «бобби» – по уменьшительной форме от имени Роберт...

Надо сказать, что работа у «бобби» и в былые времена была не из легких. И требования предъявлялись к ним, пожалуй, более строгие, чем сейчас. Так, на работу в Скотленд-Ярд не принимали мужчин ростом меньше ста семидесяти восьми сантиметров, полицейский был обязан носить униформу вне дома все время – даже если он находится не на дежурстве, а, скажем, идет с семьей в магазин, в церковь или на летний пикник. Вместо сегодняшнего обтянутого сукном пробкового шлема с большой металлической эмблемой, раньше лондонские полицейские носили цилиндры, не слишком удобные при преследовании и задержании злоумышленников. Полицейских, замеченных на службе в нетрезвом состоянии, порол розгами прямо в участке в присутствии коллег... Шагать по улице при исполнении служебных обязанностей «бобби» полагалось размеренно, солидно, неторопливо – со скоростью не более двух миль в час.

Сегодня большинства из этих ограничений нет, хотя за пьянство на работе со службы выгоняют, как правило, безоговорочно.

Новый Скотленд-Ярд... Собственно, предшественник этого монумента казенной архитектуры тоже назывался «новым» – это красное, с белыми полосами кирпичное здание до сих пор находится неподалеку от Биг-Бена. А вот старого Скотленд-Ярда больше не существует – «Шотландский двор», или «Шотландское подворье», еще в далеком тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году пало жертвой взрыва, устроенного ирландскими сепаратистами.

Кстати, именно после этого громкого во всех смыслах террористического акта и был образован Специальный отдел – для выполнения функций контрразведки и политического сыска...

Согласно занимаемой должности, Стивен Ремингтон отвечал за безопасность королевской семьи и членов английского правительства, а также иностранных государственных деятелей. Полторы тысячи его подчиненных осуществляли контроль за въездом и выездом лиц,

на которых имеются компрометирующие материалы, охраняли иностранные представительства, занимались расследованием фактов разглашения государственных секретов, наружным наблюдением, обысками и арестами подозреваемых. Помимо всего этого, отдел Ремингтона контролировал чистоту проведения валютно-финансовых операций, обеспечивал экономическую безопасность крупных национальных корпораций – и почти никогда не гнушался промышленным шпионажем.

Разумеется, при выполнении подобного рода задач полиции невозможно было обойтись без тесного сотрудничества с контрразведкой, имеющей своих представителей практически в каждом полицейском органе страны.

Мистер Ремингтон услышал звонок и поднес к уху телефонную трубку:

– Слушаю?

– Сэр, мы связались с отделом оперативного управления. Они будут к двум часам пополудни.

– Хорошо. Спасибо, мисс Браун.

Отдел оперативного управления британской контрразведки МИ-5, известный также под кодовым обозначением «Отдел G», с момента своего образования специализировался на борьбе с международным терроризмом, не связанным с деятельностью ИРА – Ирландской республиканской армии. А после того, как десять лет назад парламент расширил полномочия МИ-5, британская контрразведка была официально подключена и к борьбе с этническими и транснациональными уголовными группировками – в первую очередь с теми, которые на территории Соединенного Королевства торговали наркотиками, использовали оружие и отмывали денежные средства, добытые преступным путем.

В общем, как оказалось, это была неплохая идея, и довольно скоро она начала приносить плоды...

Почти сразу же уголовной полиции и контрразведке удалось своевременно выявить и пресечь ряд попыток нелегальных исламистских и курдских организаций совершить на территории страны экстремистские акции различного рода. Были проведены также аресты и депортация нескольких десятков так называемых подозрительных иностранцев, активных участников наркобизнеса и незаконного оборота оружия – однако едва ли не самым большим успехом МИ-5 в борьбе с организованной преступностью стало расследование мошенничеств, совершавшихся в области социального страхования.

Целью операции являлось уменьшение суммы расхищаемых средств, которые ежегодно составляли около трех миллиардов фунтов стерлингов. В министерство социального обеспечения была направлена группа опытных оперативников, которым было поручено изучить методы, используемые мошенниками для подделки финансовых документов и присвоения денежных средств.

Тщательной проверке подверглась тогда работа пяти тысяч чиновников, ведающих выдачей социальных пособий и определяющих круг их получателей. В ходе расследования МИ-5 использовала – в том числе – частную, конфиденциальную информацию о сотрудниках министерства и о получателях пособий, содержащуюся в досье различных государственных учреждений и ведомств. В экспертизах были задействованы специалисты Банка Англии, Таможенной службы, Национального ревизионного управления, страховых компаний и Шотланд-Ярда... Все попытки криминального парламентского лобби ошельмовать и дискредитировать методы МИ-5, якобы «приученной действовать методами тайной политической полиции», и даже само ее участие в расследовании успеха не имели. Руководство контрразведки сумело доказать обществу и судебным инстанциям, что мошеннические операции в сфере социального страхования приобрели в стране угрожающий системный характер и совершаются, как правило, организованными криминальными группировками, борьба с которыми во всех разновидностях вменена в обязанности МИ-5.

Особенно выросла эффективность противодействия международному криминалу после того, как сотрудники британской контрразведки перестали изображать из себя таинственную касту рыцарей плаща и кинжала и по примеру коллег из уголовной полиции начали взаимодействовать с общественностью.

Мистер Ремингтон прекрасно помнил, как были удивлены многие из его коллег, впервые увидев одиннадцатого марта тысяча девятьсот девяносто восьмого года на передовой полосе газеты «Таймс» номер так называемого телефона доверия. По этому номеру раскаявшиеся террористы, шпионы и крупные деятели криминала, а также иные *«необычные представители общественности»* получали возможность ежедневно, с 7.30 утра до 11.30 вечера, анонимно связаться с властями. Теперь это ни у кого удивления не вызывает – МИ-5 регулярно публикует специальные номера горячих телефонных линий, по которым информаторы смогли бы контактировать с контрразведкой...

– Заместитель начальника антитеррористического отдела Скотленд-Ярда также обещал успеть к этому времени.

– Великолепно...

Длительное время руководителем подразделения, ответственного за противодействие Ирландской республиканской армии, был старинный приятель Ремингтона и в некотором роде его наставник – Джон Грив, который провел ряд успешных операций против бойцов ИРА. При его участии были предотвращены взрывы в зданиях банков «Беркли» и «Сейнсбьюрис», а также захвачен с поличным террорист-одиночка, рассылавший в почтовых бандеролях взрывные устройства. К сожалению, у этого легендарного полицейского с самого начала не сложились отношения с контрразведчиками, которых он неоднократно публично критиковал за недостаточную эффективность действий по борьбе с террористами, а также за нежелание делиться со Скотленд-Ярдом имеющейся у МИ-5 разведывательной информацией.

Впрочем, сейчас антитеррористическим отделом руководили другие люди, свободные от ведомственных предрассудков – так что конфликтов на почве личных неприязненных отношений можно было не опасаться. Мистер Ремингтон посчитал необходимым пригласить их в первую очередь из-за того, что в распоряжении отдела имелся целый парк специальных транспортных средств для обезвреживания взрывчатых устройств и боеприпасов: управляемые на расстоянии самоходные роботы и прицепы для транспортировки опасных предметов, укомплектованные мощным переносным генератором, прожектором, средствами связи, а также особые гидропневматические системы.

– А что по поводу атомщиков?

– Сэр, я сразу же после вашего звонка связалась по оперативной связи с дежурным офицером, и он обещал немедленно разыскать свое руководство. К сожалению, главного констебля нет сейчас в Лондоне, однако...

– Мисс Браун, я очень сожалею, но у меня нет ни времени, ни желания выслушивать объяснения подобного рода. Позвоните еще раз! И еще, и еще – столько, сколько понадобится. Передайте от моего имени, что вопрос более чем серьезный и не терпящий отлагательств.

Полицейская служба специального назначения UK Atomic Energy Authority Constabulary, которую сотрудники других спецслужб между собой называли «атомной полицией», создавалась для обеспечения безопасности гражданских ядерных объектов Великобритании от угрозы хищения находящегося в них оружейного урана и плутония. Организационно она включена в состав британского государственного управления атомной энергетики, и руководит службой главный констебль, имя которого тщательно скрывается от представителей прессы.

Штатная численность «атомной полиции» невелика – примерно пятьсот сотрудников, несущих охрану атомных реакторов, научных ядерных лабораторий, вроде центра атомного оружия в Олдермастоне, графство Беркшир, или лаборатории оборонных исследований и технологий Портон-Даун близ города Солсбери, графство Уилтшир, а также складов и предприя-

тий по переработке радиоактивных материалов. Кроме того, служба отвечает за безопасность перевозок ядерных материалов на всех видах транспорта, так что личный состав проходит специальную подготовку по программе борьбы с террористами и оснащен новейшим боевым оружием и другими средствами, используемыми в подразделениях спецназа вооруженных сил Великобритании.

При этом, хотя формально эта служба специального назначения и является государственной организацией, финансируют ее деятельность главным образом частные компании.

Стивену Ремингтону как-то довелось присутствовать на одном из оперативно-штабных учений «атомной полиции», на котором специально проинструктированные сотрудники анти-террористического отдела Скотленд-Ярда имитировали неожиданное нападение диверсантов на секретную лабораторию и склад радиоактивных отходов. Насколько поняли приглашенные, задачей подобного рода учений является обнаружение и нейтрализация террористов не только непосредственно на охраняемых объектах, но и на прилегающей территории в радиусе до сорока километров...

– Алло, мисс Браун?

– Да, сэр?

– Соедините меня с центральной картотекой.

– Одну минуту, сэр...

Мистер Ремингтон прикрыл глаза и отчего-то вдруг вспомнил цифры финансового отчета.

Если верить тому, что там было написано, из года в год на реализацию основных государственных антитеррористических программ британское правительство выделяет более двухсот миллионов полновесных фунтов стерлингов. В основном эти средства расходуются на охрану государственных и политических деятелей, представителей иностранных государств во время официальных визитов, на проведение защитных мероприятий против возможных террористических акций в отношении национального парламента и в период проведения съездов и конференций политических партий, на осуществление мероприятий по обеспечению безопасности авиатранспорта. Только на обеспечение личной безопасности премьер-министра Великобритании ежегодно расходуется около миллиона фунтов стерлингов! Не менее семи миллионов стоила госбюджету охрана парламента, еще в два с лишним миллиона обходится обеспечение безопасности съездов и конференций политических партий...

И при всем этом ни полиция, ни спецслужбы Великобритании так и не сумели предотвратить террористические акты в самом сердце английской столицы!

Серия взрывов, осуществленных членами одной из международных подпольных исламистских группировок на станциях метрополитена и в автобусах, унесла летом прошлого года жизни пятидесяти двух человек. Десятки ни в чем не повинных жителей Лондона были ранены и искалечены...

Правда, впоследствии, довольно скоро, нескольких боевиков-террористов, непосредственно причастных к взрывам, удалось установить, обнаружить и арестовать. Ясин Хассан Омар, выходец из Сомали, лично взорвавший бомбу на станции метрополитена; Муктар Саид Ибрагим, оставивший под сиденьем автобуса рюкзак со смертоносным содержимым; Рамси Мохаммед, попытавшийся привести в действие взрывное устройство в вагоне... Услышав имена преступников, страна пережила повторный шок: оказывается, кровавые террористические акты совершили не залетные полуграмотные шахида, доведенные до отчаяния нищетой и бомбардировками авиации НАТО. И даже не профессиональные диверсанты-фанатики, обученные воевать в партизанских отрядах Ирака или Афганистана! Гостеприимных англичан убивали, если можно так выразиться, их же новообетенные соотечественники – иммигранты из стран третьего мира, много лет назад обосновавшиеся на гостеприимной земле Соединен-

ного Королевства, получившие здесь кров, пищу, образование бесплатные, социальную медицину, разнообразные пособия...

Помнится, бежавший из страны и арестованный уже в Риме британский подданный Осман Хусейн, также известный под именем Хамди Исаак, на первом же допросе признался Ремингтону в своей причастности к терактам, произошедшим в Лондоне:

– Мы хотели отомстить, мы хотели, чтобы английский народ расплатился за свои деяния по отношению к мусульманам, за то, что мусульмане вынуждены жить по вашим правилам...

Это оказалось тем более дико, что англичане, владевшие некогда необъятной империей, привыкли жить в многонациональном обществе и воспринимали иммигрантов вполне терпимо, обеспечивая им вполне пристойное даже по западным меркам существование. Один из коллег мистера Ремингтона по полицейскому управлению еще не так давно любил поговаривать: господа, к обосновавшимся в Англии выходцам из бывших британских колоний следует относиться как к детям – то есть пусть они будут сытно накормлены и прилично одеты, лишь бы не слишком шумели...

Честно говоря, мистер Ремингтон никогда не разделял подобных либеральных взглядов.

Конечно, он не был приверженцем лозунга *бритоголовых*: Англия – для настоящих англичан, то есть исключительно для белых протестантов, однако... Однако, даже с его точки зрения, более шести процентов населения, то есть примерно три с половиной миллиона человек, относящих себя к национальным и этническим меньшинствам – это было несколько чересчур для Великобритании. А если учесть, что каждый пятый из иммигрантов обосновался в Лондоне...

До недавнего времени коренные жители Соединенного Королевства были скорее снисходительны, чем настороженны по отношению к новым согражданам: религиозная терпимость, политкорректность и все такое прочее... Выходки расистов их, пожалуй, даже пугали и беспокоили – хотя, разумеется, и не так сильно, как тех, против кого они были направлены. Тем более что, будучи обществом замкнутым и сплотившимся за века совместной истории, англичане, со свойственным им высокомерием, слишком долго не позволяли себе замечать нарастание политической, социальной, культурной, экономической, религиозной агрессии со стороны новичков...

– Слушаю, сэр? – отозвался из трубки мобильного телефона приятный мужской баритон.

– Это Ремингтон.

– Здравствуйте, сэр.

– Доброе утро... – отдал должное неизменной британской вежливости начальник специального отдела Скотленд-Ярда. – Мне нужны сведения об одном русском, который постоянно проживает в Лондоне. Его зовут...

Ремингтон разложил на сиденье рядом с собой папку с документами, полученную в Эстонии, и прочитал по буквам, как это обычно делают американцы:

– Л-и-т-о-в-ч-е-н-к-о... да, так – Александр Литовченко.

– Имеются ли у вас еще какие-нибудь исходные данные об этом человеке, сэр? Дата рождения, адрес постоянного пребывания... или, например, номер вида на жительство?

– Нет! – В голосе мистера Ремингтона отчетливо слышались нотки раздражения.

Однако это ничуть не смутило сотрудника картотеки.

– Какие именно материалы вас интересуют, сэр?

– Все. По полной схеме: открытые и закрытые источники, все базы данных полиции, досье иммиграционной службы, финансовое состояние, имущество, кредиты, налоги... телефонные переговоры, связи, контакты, оперативные подходы к объекту... сводки наружного наблюдения – если есть... И мне они нужны – срочно!

– Это я понимаю, сэр. Но когда именно вам нужны эти сведения?

– Они должны ждать меня на столе, когда я поднимусь к себе в кабинет.

Считается, что англичане крайне редко проявляют свои эмоции. Это, однако, такое же распространенное заблуждение, как и то, что понять кулинарные пристрастия англичан не под силу ни одному иностранцу.

– Понятно, сэр... – очевидно, смутить или вывести из себя человека на другом конце телефонной линии было практически невозможно. – Позвольте в таком случае уточнить: как далеко от своего кабинета вы находитесь в настоящий момент?

– В десяти минутах езды. Успеете?

– Постараюсь, сэр. Будет сделано все возможное...

* * *

Колокола на башенке одного из старейших в Западной Европе университетов дисциплинированно пробили четверть пятого.

– Друзья мои... Может быть – еще кофе? Или чай? – подал голос заместитель декана физического факультета.

Деликатность его невозможно было не оценить: убедившись, что беседа перетекла в конструктивное русло, хозяин, таким образом, всего лишь поинтересовался, не мешает ли он гостям своим присутствием.

– Нет, спасибо.

– Не надо, благодарю вас...

– Тогда я, с вашего разрешения, откланяюсь?

– Да, большое спасибо.

– Спасибо, благодарю вас! Вы меня очень, очень выручили...

– До свидания!

– Всего доброго...

Закончив прощальное рукопожатие и терпеливо дождавшись, когда закроется дверь кабинета, высокий мужчина в очках обернулся к сидящей напротив очаровательно смуглой черноволосой даме:

– Вам никогда не говорили, что вы похожи на шпионку?

– Довольно часто говорили.

– И что же? Это не мешает в работе?

– Ну что вы, наоборот... – Красавица щелкнула зажигалкой. – Большинству людей даже в голову не приходит, что женщина с моей внешностью и на самом деле является офицером полиции...

– Да, пожалуй.

– Передайте мне пепельницу, пожалуйста!

– Здесь вообще-то не курят, но...

– Простите.

Гостя даже не подумала затушить сигарету. Неким непостижимым образом темно-серый, строгий английский костюм с юбкой ниже колена смотрелся на ней едва ли не более откровенно и вызывающе, чем символические бикини красоток с обложки какого-нибудь мужского журнала.

По-английски она говорила почти без акцента.

– Впрочем, вам, я думаю, можно... – Мужчина подошел к стеллажу и решительно снял с него одну из множества сувенирных тарелочек, украшенных гербами университетов и студенческих ассоциаций. – Прошу... Извините, а как мне к вам все-таки обращаться? По званию? Или по должности?

– Называйте меня просто Джина. Джина Россано, если угодно...

– Очень приятно.

Оставалось только пожать плечами: имя как имя – ничем не хуже, но и не лучше любого другого, даже если оно и вымышленное. В качестве оперативного псевдонима звучит совсем неплохо...

– Вас что-то смущает?

– Нет, отчего же... Меня попросили вас проконсультировать, и я это сделаю.

Мужчина поставил на столик перед собеседницей нечто, отдаленно похожее на старомодную кассетную магнитоу, придавил пальцем клавишу – и на панели загорелось два крохотных огонька.

– Интересный у вас диктофон! Однако вы уверены, что следует записывать нашу беседу?

– А это и не диктофон вовсе. Это как раз наоборот – так называемый генератор белого шума... Очень полезный прибор – любые записывающие устройства, жучки, радиозакладки и прочую электронную гадость вырубает намертво! Радиус действия невелик, но ведь нам с вами много и не надо, верно? – Мужчина посмотрел на мигающие попеременно огоньки и убедился, что прибор находится в рабочем режиме. – Извините. Так теперь положено...

– Да, меня предупредили. Это из-за корейцев?

– Не только. Хотя их люди в последнее время тоже активизировались. Видите ли, некоторое время назад Иран сформировал сверхсекретную команду ядерных специалистов для внедрения их в структуры МАГАТЭ² в Вене... Этим ребятам поручено проникнуть в наш отдел безопасности, чтобы получить информацию о работе международных инспекторов.

– Для чего?

– Конечно же иранцы хотели бы скрыть самые проблемные участки своих ядерных разработок. А у нас, как известно, по-прежнему опасаются, что в Иране все-таки строят потихонечку атомную бомбу... Операцию по внедрению в МАГАТЭ возглавляет некто Хосейн Афарида, бывший председатель комиссии меджлиса по энергетике. Есть сведения, что он поддерживает тесные связи с министерством разведки и регулярно контактирует с командой иранских ядерных инженеров, направленных для работы в нашу венскую штаб-квартиру.

– И вы никак не можете ограничить их деятельность?

– Дело в том, что, формально являясь участником соглашения о нераспространении ядерного оружия, Иран имеет полный доступ в МАГАТЭ – и может рассчитывать на помощь агентства в области ядерной программы.

– При условии, что она осуществляется исключительно в мирных целях?

– Да, конечно... однако, например, некоторые мои коллеги считают, что Иран пользуется своим доступом в МАГАТЭ для того, чтобы шпионить за процедурой инспектирования – и, таким образом, иметь возможность при международных проверках скрыть щекотливые моменты своих ядерных разработок от внешнего мира.

Мужчина в очках придвинул поближе к собеседнице тарелочку с гербом, чтобы ей было удобно стряхивать пепел.

– Пожалуйста, Джина... итак, что же вас интересует?

– Полоний.

– Да? Странно... – удивился мужчина в очках.

– Отчего же?

² Международное агентство по атомной энергии – межправительственная организация, входящая на основе соглашения с ООН (1956 год) в общую систему Объединенных Наций. Членами МАГАТЭ являются более 120 государств. МАГАТЭ уполномочено, в частности, предпринимать меры безопасности для предотвращения использования ядерных материалов в военных целях и проводит специальные меры в области контроля выполнения государствами-членами добровольно взятых на себя обязательств по нераспространению ядерного оружия. В дополнение к инспекциям на местах они включают всесторонний учет ядерных материалов и оборудования на основе предоставляемых государствами-членами докладов, а также электронный контроль и другие технические мероприятия. Гарантии МАГАТЭ распространяются приблизительно на 95 % ядерных установок за пределами государств, официально обладающих ядерным оружием (Великобритания, Китай, Россия, США и Франция).

– По классификации МАГАТЭ, на сегодняшний день изотопы полония отнесены к веществам, представляющим опасность в качестве оружия лишь с незначительной долей вероятности.

– Что это значит?

– Вы вообще-то представляете принцип действия атомной бомбы? Атомное оружие отличается от всех остальных видов вооружений тем, что в его состав входят радиоактивные вещества, которые – при определенных обстоятельствах – изменяются настолько быстро, что выделяют гигантские объемы света и тепла... то есть, проще говоря, происходит так называемый атомный взрыв. Чтобы такое устройство взорвалось, его радиоактивные компоненты, – как правило, это изотопы урана-235 или плутония – должны присутствовать в достаточном количестве, называемом критической массой. Разумеется, точные чертежи и конструкцию атомного оружия держат в секрете. Однако известно, что любая атомная бомба состоит из двух отдельных «контейнеров» с радиоактивными материалами, которые соединяются перед взрывом механически, формируя критическую массу...

Мужчина по привычке, выработанной годами преподавания, обернулся в поисках несуществующей доски и мела:

– Черт! Простите... В общем, если коротко: атомные бомбы бывают нескольких типов. Действие одних основано на расщеплении, то есть на делении атомного ядра при цепной реакции. В этом процессе нестабильные атомы делятся и формируют меньшие, но более стабильные атомы. Это так называемая классическая атомная бомба. Другой тип – водородная бомба, она работает на синтезе, или слиянии ядер. Водородная бомба гораздо более мощная, чем та, которая основана на расщеплении – и, поскольку критическая масса не имеет в данном случае никакого значения, водородная бомба может быть гораздо меньше «классической»... Вполне возможно и создание взрывного устройства комбинированного типа.

– И что, значит, полоний для этого не подходит?

– Ну, я бы так не сказал, но... Давайте по порядку, если уж вы задали вопрос?

– Да, конечно.

– Тогда вам придется немного потерпеть. Начнем с того, что полоний – это металл легкоплавкий и сравнительно низкокипящий: температуры его плавления и кипения соответственно 254 и 962 градуса по Цельсию... Чистый полоний – металл серебристо-белого цвета, он существует в двух модификациях. Кристаллы одной из них, низкотемпературной, имеют кубическую решетку, а другой, высокотемпературной – ромбическую.

– Как он выглядит? Ну, на вид? – не удержалась от вопроса слушательница.

– По внешнему виду, если именно это вас интересует, полоний похож на любой самый обыкновенный металл, вроде свинца или висмута... однако вряд ли я посоветовал бы вам, Джина, заказывать из него украшения.

– Почему же? – улыбнулась женщина, называвшая себя сегодня Джинной.

– Сейчас попробую объяснить, – кивнул мужчина в очках. – Как известно, все радиоактивные элементы и изотопы объединяются в семейства: распадаясь, ядро радиоактивного атома превращается в атомное ядро другого, дочернего элемента. В природе все элементы радиоактивных семейств находятся между собой в определенном равновесии: например, в урановых рудах равновесное отношение урана к полонию составляет примерно два на десять в десятой степени... Это означает, что в урановых минералах полония почти в двадцать миллиардов раз меньше, чем урана! Получить его из руды действительно сложно, но есть другой путь – синтез. Сегодня полоний получают двумя способами, причем исходным сырьем в обоих случаях является висмут. В атомных реакторах его облучают потоками нейтронов, и тогда по сравнительно несложной цепочке ядерных превращений образуется самый любопытный из изотопов полония – полоний-210. А если тот же изотоп висмута поместить в другую важнейшую машину ядерного синтеза – в циклотрон – и там обстрелять потоками протонов, то образуется

самый долгоживущий изотоп, полоний-209, с периодом полураспада в сто три года. Правда, с примесями свинца...

– А зачем он вообще нужен, этот полоний? – поинтересовалась Джина, доставая из пачки вторую сигарету.

– В каком смысле? – не понял ее собеседник. Потом сообразил: – А, вы имеете в виду техническое использование? Полоний-210 – чистый альфа-излучатель, испускаемые им частицы тормозятся в металле и, пробегая в нем всего несколько микрон, растрачивают при этом свою энергию. Энергия альфа-частиц полония превращается в тепло, которое можно использовать, скажем, для обогрева и которое не так уж сложно превратить в электричество. Эту энергию уже используют и на Земле, и в космосе, в энергетических установках некоторых искусственных спутников. У подобных источников излучения есть несколько очевидных преимуществ: во-первых, альфа-частица достаточно массивна и, следовательно, несет много энергии, а во-вторых, такие излучатели практически не требуют специальных мер защиты – проникающая способность и длина пробега альфа-частицы минимальны. Нет, конечно, для работы на космических станциях подходят и изотопы плутония, стронция, церия... но у полония есть еще одно очень важное преимущество – самая высокая удельная мощность! Он выделяет так много тепловой энергии, что это тепло способно расплавить и сам образец. Чтобы этого не случилось, полоний помещают в свинцовую матрицу... Кстати, между прочим, полониевая печка обогревала когда-то знаменитый русский «Луноход-2». Представляете себе, что это такое?

Собеседница кивнула – скорее всего, из вежливости.

– Ладно, попробую без подробностей... Подобные устройства достаточно эффективно работают и на земле. Кроме них, важны полоний-бериллиевые и полоний-борные источники нейтронов – это герметичные металлические ампулы, в которые заключена покрытая полонием-210 керамическая таблетка из карбида бора или карбида бериллия. Поток нейтронов из ядер атома бора или бериллия порождает альфа-частицы, испускаемые полонием. Такие нейтронные источники легки и портативны, совершенно безопасны в работе, очень надежны и мощны. К примеру, латунная ампула диаметром два и высотой четыре сантиметра ежесекундно дает до 90 миллионов нейтронов.

– Понятно... – Черноволосая красавица покосилась на часы, висящие на стене кабинета. – Если бы мне понадобился полоний-210 – где я могла бы его раздобыть?

– Официально? – уточнил мужчина. – Ну, вообще этот изотоп вполне свободно продается по Интернету. Любой житель США, имеющий семьдесят долларов, может зайти на сайт компании United Nuclear Scientific Supplies и приобрести источник полония радиоактивностью 3700 беккерелей. При этом от покупателя не требуется никаких документов. Американцы, продающие полоний-210 через сеть Интернет, утверждают, что эта торговля полностью легальна, поскольку радиоактивность находящихся в свободной продаже источников ниже уровня опасности, установленного официальными властями...

– Это действительно так?

– В общем-то, они по-своему правы. Для того чтобы получить представляющее потенциальную опасность количество изотопа полония, необходимо приобрести пятнадцать тысяч доз этого вещества на сумму около миллиона долларов.

– А если мне надо много полония?

Мужчина в очках пожал плечами:

– Ну, например, еще совсем недавно этот изотоп вполне можно было похитить на российских ядерных объектах.

– Вы шутите? – Кажется, теперь слушательница заинтересовалась по-настоящему.

– К сожалению, нет. Еще несколько лет назад воровство с предприятий на территории бывшего Советского Союза являлось едва ли не самой серьезной проблемой для мировой ядерной безопасности. Разумеется, полными данными по этому вопросу не располагает даже

МАГАТЭ, однако, по некоторым источникам, в период с девяносто первого по две тысячи второй год отсюда было украдено примерно сорок килограммов урана и плутония, пригодных для военного использования.

– Впечатляет... А полоний?

– У нас нет достоверных данных о контрабандной торговле полонием-210...

– Вообще нет?

– Было несколько неподтвержденных сообщений о том, что имели место кражи этого вещества. Например, больше десяти лет назад, если не ошибаюсь, «Бюллетень ученых-ядерщиков» сообщил, что несколько килограммов полония исчезло куда-то из русского города Сарова, где производятся редкие радиоактивные материалы.

– Как называется город?

– С-а-р-о-в... – по буквам продиктовал мужчина в очках.

– Постараюсь запомнить.

– Раньше, при Советском Союзе, этот город считался секретным и назывался Арзамас-16... Его описывают как российскую версию Лос-Аламоса – американской базы ядерных исследований в штате Нью-Мехико. Если хотите, я потом поищу для вас номер журнала.

– Спасибо...

– Не стоит благодарности! В этом Сарове полоний-210 производят с пятидесятих годов прошлого века в специальном отделе под названием «Авангард»... Сейчас производство изотопов полония осуществляет некая фирма «Росатом», а продажами занимается другая структура – «Техснабэкспорт». Разумеется, под контролем русской контрразведки ФСБ.

– Значит, полоний поступает на нелегальный рынок ядерных материалов из России?

– Стоп! – Мужчина вытянул перед собой руку в протестующем жесте: – Я этого не говорил. Во-первых, радиоактивные изотопы воруют не только в России... А во-вторых, нельзя сказать, что сейчас у русских все благополучно, но контроль наших инспекторов указывает на значительное повышение уровня безопасности на их ядерных объектах.

– И тем не менее этот рынок существует?

– Конечно. Всего, по данным нашего отдела безопасности, за последние четыре года по всему миру зафиксировано более трехсот случаев, когда отдельные лица и группы лиц были пойманы на попытках вынести радиоактивные материалы. Только в прошлом году произошло сто три подтвержденных случая нелегальной торговли и другой незаконной деятельности, связанной с радиоактивными материалами...

– Цифры, которые приводит немецкая разведка БНД, еще выше.

– Да, я знаком с их статистикой...

– Недавно они арестовали трех русских бандитов, которые везли в Мюнхен семнадцать унций полония. Вам что-то известно об этом?

Мужчина поморщился, как от ответа студента, явившегося на экзамен неподготовленным:

– Не полония, а плутония. Плутония! Это две совсем разные вещи... Такого количества плутония действительно вполне достаточно для подготовки ядерного заряда, способного разнести в куски какой-нибудь немецкий город... Слушайте, если вас интересует не что-то конкретное, а любые ядерные отходы и радиоактивные материалы, я могу рассказывать до бесконечности!

– Все это имеет отношение к России?

– Почему же только к России? Вовсе нет. К примеру, до сих пор так и не обнаружены два килограмма урана, украденного из исследовательского центра Сухуми в Грузии. А совсем недавно в отдаленном западном районе той же самой Грузии, группа местных лесников нашла две капсулы с материалом, от которых исходило тепло... Лесники использовали капсулы, чтобы обогреться ночью в лесу, но вскоре у них у всех возникли симптомы острого радиаци-

онного поражения – капсулы оказались активным элементом генератора с давно заброшенного аэронавигационного маяка, содержащим высокорadioактивный изотоп стронция.

Вообще, милая Джина, на мой взгляд, самая большая проблема – это вовсе не русские военные объекты, вроде атомных подводных лодок или ядерного оружия. Как раз за ними, как и за современными научно-исследовательскими центрами, налажен и национальный, и международный контроль. А вот гражданские предприятия... Совсем недавно, в сентябре, в российском порту Мурманск сотрудниками русской службы безопасности был арестован некий Александр Тюляков. Не слышали?

– Кажется, нет, – попыталась припомнить собеседница.

– Он был заместителем директора государственного ремонтно-технологического предприятия «Атомфлот» и, по версии следствия, собирался продать куда-то в Прибалтику материалы, содержащие уран-235. При обыске, проведенном у него на квартире и в гараже, было обнаружено еще около 2 килограммов радиоактивных веществ – уран-238, а также радий. Видимо, что для продажи предназначалось отработанное ядерное топливо с атомных ледоколов, хотя и тут остаются вопросы... На самом деле «Атомфлоту» не привыкать к скандалам. Лет пять-шесть назад несколько русских моряков сумели украсть с ледокола изотоп калифорний-252 и 17 килограммов ртути – их тоже тогда арестовали с поличным при перепродаже...

Колокола на университетской башне отбили половину пятого.

Мужчина в очках сделал паузу и прислушался. Потом продолжил:

– Конечно, с точки зрения террористической угрозы эти случаи не представляют большого интереса – но они показывают, насколько уязвимы ядерные объекты.

– Давайте все-таки вернемся к полонию?

– С удовольствием.

– Скажите, Англия, к примеру, производит свой полоний?

– В Англии? – удивился вопросу мужчина. – Нет.

– Откуда в Англии может появиться изотоп полония-210, о котором ничего не известно властям?

– Только из-за границы. И только нелегальным путем.

– Вы уверены в этом?

– Да. Англия – ядерная держава, но полоний там не производится, по крайней мере официально. Производить его вне контроля государства – это значит иметь не только подпольную лабораторию, но и подпольный ядерный реактор... Несерьезно, согласитесь! В Англии есть подходящий ускоритель, у фирмы Amersham, но он, насколько мне известно, на производство полония-210 не настроен.

– А те радиоизотопы, которые находятся в стране легально? К примеру, изотопы, ввезенные англичанами для исследований в какой-нибудь физической лаборатории? Их ведь теоретически можно украсть так, чтобы это не обнаружилось?

– Теоретически возможно все. – Мужчина в очках встал, и прошелся по кабинету декана. – Но практически... Знаете, Джина, как у нас шутят? Чтобы сделать открытие, настоящий ученый обязан в первую очередь усомниться, что Земля – круглая! Вы вообще представляете, как осуществляется контроль за регламентными работами в западных лабораториях? Исследователь должен заранее описать и послать на предварительное утверждение буквально каждую свою операцию. Когда – и если! – его бумагу все-таки рассмотрят в десяти различных инстанциях, заставят провести кучу перестраховочных мероприятий и все утвердят – вот только тогда можно начинать. Причем работать придется под непрерывным и жестким контролем инспектора-дозиметриста, подчиняющегося только руководству своей собственной службы радиационной безопасности, которая, в свою очередь, совершенно прозрачна для МАГАТЭ...

– А в России – по-другому?

– По нашим данным, у русских все теперь тоже очень строго...
– И все же там воруют? Значит, это нельзя исключить и для Запада.
– Честно говоря, я не представляю себе, как вообще можно украсть, скажем, полоний-210 – чисто технически... При работе с ним приходится соблюдать особую осторожность – пожалуй, это один из самых опасных радиоизотопов.

– Почему?

– Активность полония-210 настолько велика, что, хотя он излучает только альфа-частицы, брать его руками нельзя – сразу будет лучевое поражение кожи и, возможно, всего организма. Полоний довольно легко проникает внутрь сквозь кожные покровы, но он опасен и на расстоянии, превышающем длину пробега альфа-частиц, из-за способности быстро переходить в аэрозольное состояние и заражать воздух. Поэтому работают с полонием лишь в герметичных боксах... Так что, если отбирать полоний из открытого источника и где-то его запаивать на стороне, все равно, как у нас говорят, *измажешься!* Можно, конечно, сделать закрытый источник внутри бокса и его унести, но... хранить полоний долго нельзя – распадется. С каким-нибудь плутонием или ураном – и то далеко не так трудно.

– Значит, в нелегальном обороте, как правило, находятся отработанные отходы ядерного топлива или приборы бытового назначения с радиоизотопами?

– Да, пожалуй. И это хорошо, так как из подобного материала чрезвычайно трудно сделать ядерное оружие. Но это и плохо, так как именно такие вещества являются лучшим материалом для создания грязной бомбы...

Мужчина поправил очки и совершенно неожиданно прервал пояснения:

– Послушайте, милая Джина! Я уже взрослый мальчик, и ни за что не поверю, что вы приехали ко мне сюда из штаб-квартиры Интерпола только для того, чтобы получить сведения, которые приводятся в любом открытом справочнике. А если нет времени или лень добраться до ближайшей библиотеки – можно просто сесть за компьютер, набрать в любой поисковой системе слова...

Надо отдать должное женщине – она достаточно быстро и вполне профессионально справилась с замешательством, вызванным внезапной переменой в поведении собеседника:

– Не обижайтесь. И не сердитесь на меня, пожалуйста! Конечно, вы правы.

– Тогда давайте все-таки *вынем из-под стола вашу дохлую кошку* — и перейдем прямо к делу. Не возражаете?

– А что мне остается делать? – с демонстративным смирением вздохнула Джина.

– Прямо к делу... ну что же! Отлично. Скажите, чем этот ваш полоний может заинтересовать международных террористов?

– Даже не представляю.

– Вы упомянули про грязную бомбу...

– Полоний как радиоактивная начинка?

– Отчего же нет? Так называемая грязная бомба – мечта любого уважающего себя террориста.

– Да уж, как говорится – дешево и сердито!

– Дешево?

– Относительно дешево, разумеется... Кстати, если уж зашла речь о ядерном оружии! У стран, которые считают себя *цивилизованными*, в арсеналах имеются так называемые чистые бомбы, с минимальными радиоактивными выбросами. Или нейтронные бомбы – с увеличенной радиацией, но с ограниченной силой взрыва. Представляете, как удобно? Пустые, нетронутые заводы, фабрики, банки... Ну а грязные атомные бомбы вообще-то делают от бедности – тогда, когда не могут создать настоящую, то есть такую, чей взрыв основан на ядерной реакции. В сущности, это ведь что такое? Это агрегат, в котором обычная взрывчатка сочетается с обработанными радиоактивными материалами. Сами понимаете, в настоящих боевых

действиях против армейских подразделений, имеющих средства радиационной и химической защиты, это оружие не слишком эффективное. Зато против так называемого мирного населения, против промышленных объектов в глубоком тылу, против продовольственной базы противника... Больших разрушений с помощью такой бомбы вызвать нельзя, зато можно заразить радиацией достаточно большую территорию. Например, если взорвать такую бомбу в центре Манхэттена, то на пару столетий непригодным для жизни станет весь Большой Нью-Йорк – и добрая половина штата Нью-Джерси в придачу. Да что там Манхэттен! Трех-четырех приведенных в действие взрывных устройств, начиненных ураном, вполне хватит для того, чтобы арабы с евреями перестали друг другу рвать глотки из-за Палестины – на ее месте просто образуется радиационная пустыня, в которой никто не сможет больше жить. Ну и помимо прочего, такой взрыв произведет деморализующее воздействие.

– В общем, идеальное оружие для террора... – Черноволосая красотка задумчиво потянулась за очередной сигаретой. – Но ведь компоненты для грязной бомбы еще надо нелегально доставить на место взрыва? Через границу, через таможенный досмотр...

– С этим-то как раз, применительно к полонию-210, нет практически никаких проблем.

– Но ведь полоний, как вы говорили, металл? Почему его не могут обнаружить детекторы?

Мужчина в очках посмотрел на собеседницу как человек, изо всех сил пытающийся сообразить: пошутил его собеседник, издевается или просто сказал откровенную глупость.

– В виде соли? В количествах, измеряемых десятками долями микрограмма? Об этом вообще не может быть речи! Да и обнаружение полония детектором радиации – например в аэропортах – затруднено из-за низкой проникающей способности альфа-частиц, которые изотоп испускает при распаде. С другой стороны, даже небольшое количество полония-210, рассеянное в воздухе силой обычного взрыва, способно поразить множество людей – и вызвать буквально демографическую катастрофу.

– В каком смысле?

– Попадание в организм источника полония-210 радиоактивностью всего в десять тысяч беккерелей соответствует эффективной эквивалентной дозе облучения в двенадцать миллизивертов – это для взрослого человека. Между тем максимальная доза облучения, которая не влечет за собой каких-либо канцерогенных и мутагенных последствий, составляет всего один миллизиверт в год...

– Нельзя ли чуть проще? – нахмурилась слушательница.

Мужчина спохватился, что он не в подготовленной студенческой аудитории:

– Пожалуйста! Иными словами, даже сравнительно небольшие количества полония-210, которые не обладают немедленным негативным эффектом, таят в себе опасность раковых заболеваний либо генетических болезней, передающихся по наследству.

– Значит, радиоактивный изотоп полония-210 – идеальная начинка для грязной бомбы?

Сначала сотруднице Интерпола показалось, что мужчина в очках просто не расслышал ее вопроса.

Потом стало ясно, что он всего лишь обдумывает ответ:

– А почему вы так заикнулись именно на радиации? Насколько я знаю, значительно проще и дешевле использовать для грязной бомбы какие-нибудь вирусы или химические отравляющие вещества – к примеру, зарин...

– Зарин?

– Такой газ, который в девяносто пятом применила в токийском метро группа сектантов «Аум Синрике». В результате, помнится, погибли двенадцать человек и еще несколько тысяч отравилось...

Женщина вздохнула:

– У нас есть основания полагать, что террористы используют именно полоний.

– Где это должно произойти?
– Предположительно в Лондоне.
– Почему-то я именно так и подумал, – покачал головой мужчина. – Но тогда, милая Джина, в вашем распоряжении не так уж много времени.
– Простите? – переспросила собеседница.
– У полония-210 есть один недостаток, жестко ограничивающий срок службы радиоизотопных источников, в которых он используется. Это относительно малый период его полураспада – всего сто тридцать восемь или, по некоторым источникам, сто тридцать девять дней...
– Что это значит?
Прежде чем мужчина ответил, часы на башне университета отбили очередную четверть часа...

* * *

Как не бывает правил без исключений, а людей без недостатков, так не встречается в природе и абсолютно целых заборов: обязательно рано или поздно образуется лаз, проем или узкая щель, незаметная и неизвестная широким туристическим массам.

Такие уж они, эти заборы, – надо только хорошенько постараться, и ты уже внутри.

Или снаружи – в зависимости от задачи.

Русоволосый джентльмен, с широким славянским лицом и с глазами, цвет которых невозможно было определить из-за темных солнцезащитных очков, бродил по району лондонских доков уже больше часа и успел по-настоящему проголодаться.

Некоторые доки до сих пор пахнут пряностями и табаком...

И это тем более удивительно, что в помещениях торговых складов, откуда еще в прошлом веке вывезли последние колониальные товары, давным-давно уже обосновались многоквартирные жилые комплексы для среднего класса, художественные галереи, рестораны и пабы.

На туриста мужчина был не похож. Скорее деловая и уверенная походка человека, знающего, куда и зачем он идет, придавала ему вид какого-нибудь служащего средней руки, возвращающегося домой после трудного дня, проведенного за компьютером в Сити.

Звали русоволосого джентльмена Алексей Литовченко, и в кармане у него лежал новенький британский паспорт на эту фамилию...

– Извините.

– О, прошу прощения, сэр!

Разминувшись в проходе с каким-то упитанным дядечкой, выводящим на прогулку домашнего любимца – такого же, как он, упитанного боксера тигровой масти, – Литовченко нырнул в подворотню и, оставив позади скучную улицу Уоппинг-Уолл, оказался прямо на берегу реки.

Через несколько минут он уже делал заказ официанту, сидя за столиком паба со странным для русского слуха названием The Prospect of Whitby:

– Фиш энд чипс, будьте любезны...

– Разумеется, сэр. Какое пиво вы предпочитаете?

– «Бест», – назвал Литовченко первый попавшийся сорт, указанный в меню.

– Одну пинту? – уточнил официант, сразу и безошибочно определив в нем иностранца.

– Да.

Публики в заведении было немного: неизменный в любой точке мира японец с видеокамерой и путеводителем, семья с детьми – тоже, очевидно, туристы, откуда-то из Скандинавии, две или три компании молодых людей и девушек, занявшие места задолго до появления в пабе Литовченко.

Очевидно, опасности из них никто не представлял.

– Ваше пиво, сэр.

– Благодарю.

Наверное, это и в самом деле оказался лучший на Темзе пункт наблюдения за неторопливой, медлительной жизнью реки – и за ее противоположным берегом. Из-за прохладной погоды все окна заведения держались закрытыми, но даже сквозь них можно было прекрасно видеть поднимающиеся по течению баржи и прогулочные теплоходы, верфи, давным-давно переоборудованные газовые хранилища викторианских времен, многоэтажные жилые корпуса с рядами окон, удивительно напоминающими орудийные порты парусных линейных кораблей.

Прямо напротив виднелась высотка, которую лондонцы называют Кэнери-Ворф. С некоторых пор стало модным сообщать всем, кто видит ее впервые, что эта впечатляющих размеров башня построена тем же архитектором, что и Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

Литовченко прислушался. Где-то внизу, под огромными сваями, держащими на себе паб и соседнее здание, плескались волны...

«Фиш энд чипс», рыба с картошкой, – это было едва ли не единственным традиционным блюдом английской кухни, которое с самого начала пришлось по вкусу Литовченко. Ну, еще, пожалуй, яичница с помидорами, колбасой и беконом... А ко всему остальному, что англичане гордо именуют *простой доброй пищей*: к непрожаренному пресному мясу, к пресловутой овсянке без вкуса и запаха, к тушеным бобам, – организм русского человека приспосабливается тяжело – не сразу. Не говоря уже про такое издевательство над кулинарией, как разрезанная пополам булка, намазанная маслом и начиненная жареной картошкой, – «чип бати». Или взять, к примеру, пудинги, которых здесь подают великое множество и только часть которых действительно относится к десертам, подаваемым после еды!

...Вниз по Темзе, на моторе, явно не торопясь никуда, прошла яхта, украшенная эмблемой Королевского клуба. Паруса были свернуты, так что грот-мачта упиралась в небо светлосерой иглой.

Литовченко отхлебнул глоток пива и вдруг отчаянно, почти до физической боли, позавидовал тем богатым и беззаботным бездельникам, которые имели возможность проводить на ее борту вот такие, как нынешний, ветреные и холодные вечера – в компании красивых женщин и самоуверенных мужчин, с трубкой, сигарой или стаканчиком выдержанного виски...

Дело в том, что с некоторых пор жизнь самого Алексея Литовченко стала похожа на схваченный утренним гололедом автомобиль. Его то швыряло к обочине трассы, то выносило на встречную полосу, то, развернув поперек движения, волокло вообще неизвестно куда – в темноту...

Скорость движения давно уже превысила допустимую.

Впрочем, пока все ограничивалось легкими ушибами, вмятинами и яростным скрипом покрышек – однако, мастерство или хладнокровие водителя были тут ни при чем. Литовченко понимал, что все эти годы избежать столкновения или смертельного заноса в кювет удавалось только чудом.

«Наверное, – думал иногда Литовченко, – было бы неплохо регулировать течение жизни наподобие водопроводного крана: захотел – прибавил событиям интенсивности, надоело – перекрыл на какое-то время причинно-следственную связь. И отдыхай себе какое-то время, переваривай... Можно погорячее сделать, можно про запас воды набрать – тут уж кому как нравится».

Но пока, чтобы не потонуть, надо было, как на болоте, вовремя перепрыгивать с кочки на кочку – и ни в коем случае не останавливаться. Один-единственный неверный шаг запросто мог стоить Алексею Литовченко персонального светлого будущего.

...Трое парней в спортивных куртках вошли в паб, когда на тарелке уже почти ничего, кроме костей от жареной рыбы, не оставалось. Оглядевшись, новые посетители молча и слаженно пересекли зал и расположились за столиком по соседству с Литовченко.

Верхнюю одежду они снимать не стали.

Черный холодок невидимой опасности накатил на Литовченко, и он едва удержал себя от того, чтобы судорожно не завертеть головой. Сквозь негромкий шелест чужих разговоров ему даже послышался далекий щелчок – то ли фотоаппарата, то ли затвора автоматической винтовки.

Захотелось стать маленьким – или даже совсем раствориться, исчезнуть... На подсознательном уровне паб на берегу реки больше не воспринимался как нечто надежное, обещающее покой и относительную безопасность.

Пиво Алексей Литовченко не допил: рассчитавшись, он встал из-за стола, на ходу попрощался с официантом и вышел наружу. Быстрым шагом – почти бегом! – преодолев по Уоппинг-Хай-стрит расстояние до заброшенного Табачного дока, он еще раз *проверился* – никого...

Доки Святой Екатерины, расположенные рядом с Тауэрским мостом, по праву считаются самой освоенной и популярной частью старых лондонских доков. На оживленной Хайвей Литовченко моментально и без труда слился с людским потоком, густеющим по мере приближения к проторенным туристическим тропам. Двигаясь вместе с праздной, веселой и неторопливой публикой, он довольно скоро свернул на улицу имени Томаса Мора и вышел на набережную, вдоль которой, борт к борту, выстроились небольшие частные парусники, катера и речные посудины для путешествий по каналам.

Только пару раз за все время пути ему показалось, что сзади следует *хвост*... Впрочем, скорее всего, это было очередным плодом извращенной шпионской фантазии – уж кто-кто, а Литовченко знал, что настоящее, профессиональное наружное наблюдение обнаружить нельзя, его можно только *почувствовать* собственной шкурой. Что же касается детективов-любителей из числа, например, журналистов, то избавиться себя от них достаточно просто. Вполне хватило бы того набора нехитрых, но испытанных временем классических манипуляций, которые Алексей Литовченко проделал, добираясь сюда, в район лондонских доков.

Тем не менее сначала Алексей двинулся не к станции метрополитена, а обратно, в сторону Темзы. По пути он еще несколько раз менял направление. Приценивался ко всяческой ерунде в сувенирной лавке и подолгу глазел то на уличных актеров, то на музыкантов, то на цены, вывешенные вместе с меню перед многочисленными ресторанчиками и кафе... словом, вел себя как заправский бездельник, уже посетивший все главные достопримечательности Лондона, перечисленные в путеводителе.

В конце концов Литовченко все же нашел подходящую телефонную будку.

– Алло! Синьор Лукарелли?

Автоответчик что-то произнес по-итальянски.

Даже без перевода было понятно, что хозяина дома нет и он вежливо просит звонящего оставить свое сообщение или номер телефона, чтобы можно было связаться по возвращении.

Спасибо, но такой вариант Алексея Литовченко не устраивал.

Звук проглоченной автоматом монетки напомнил о том, что время – деньги, и он повесил трубку.

Ну что же... подождем еще.

А что еще остается?

Глава 3

Теперь в Лондоне модно быть русским.

Миллионеры и миллиардеры из стран СНГ приобретают не только роскошные особняки в тех кварталах, где издавна обитала английская аристократия, но и целые районы города.

Жилой комплекс на исторической Беркли-сквер, часто упоминаемой в английской классической литературе, купил гражданин России. Россиянам принадлежат и Стэнли-хаус – один из самых дорогих домов Лондона, находящийся в Челси, и еще один особняк, неподалеку, стоимостью десять миллионов фунтов стерлингов – с гостиной, украшенной мраморными копиями фриз Парфенона... Другой покупатель из России уже обустроил для себя и по своему вкусу дворец на Белгрейв-сквер: по слухам, там появились фонтан, бассейн, домашний кино-театр и вмонтированные в стены ванной телевизоры... А на севере Лондона, в престижном и респектабельном районе Мэйфер, неподалеку от Оксфорд-стрит, русские *нубориши* потеснили даже нефтяных арабских шейхов.

Считается, что англичане предпочитают традиционные помещения – узкие и вытянутые вверх, а русским очень нравятся большие пространства... Олигарх начал приобретать недвижимость в Лондоне около семи лет назад, и с тех пор, даже по самым скромным подсчетам, ее стоимость увеличилась в два с половиной раза. Первоначально он покупал квартиру, помещение под офис и дом за городом прежде всего для того, чтобы обеспечить покой и безопасность своей семье. Однако потом догадался, что попал на золотую жилу, и всерьез занялся инвестициями в этой сфере.

Практика показала, что деньги, вывезенные из России, были вложены правильно – в Англии выгоднее всего покупать элитную недвижимость: когда-то, лет двести назад, русские богачи разговаривали по-французски и считали хорошим тоном поездки в Париж. Современные же россияне чаще говорят по-английски и чувствуют себя более комфортно на берегах Темзы... Кроме того, многим из них, как родителям, видится наиболее привлекательной именно британская система образования, которая воспитывает в ребенке индивидуальность и независимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.